

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

□□□ 130.3

□. □. □□□□

□□□□□ □□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□

□□□□□□□□□□□□ □□□□□□

□□□□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□

□□□□□□□□□□□□ □□□□

□□□ □□□□□□□□□□ – □□□□□□□□□□□□

□□□□□□□□

Статья предлагает системно-кибернетический анализ содержательной стороны категории «национальная идея», который позволяет определить ее основные элементы, структуру и функции, а также рассмотреть основные отношения и правила оперирования данными элементами. Автор показывает зависимость специфики национальной идеи от специфики нации, затем он определяет основную причину их взаимобусловленности, что указывает на важность и необходимость более детального рассмотрения национальной идеи как при изучении нации, так и в анализе перспектив развития общества. Помимо теоретической и практической значимости такого подхода, статья по-новому раскрывает содержание понятия национальная идея — с точки зрения социально-философского анализа.

Современная Россия до сих пор по истечении уже шестнадцати лет после распада СССР и образования РФ не может определить для себя, чем она является, а следовательно, не может сказать этого и другим. Эта неопределенность касается почти всех сфер жизни общества и представляется всем не просто серьезной и важной проблемой, но даже, как говорят, страшна для страны и народа. В чем же «ужас» такой неопределенности и в

чем ее причина?

Данная статья посвящена анализу содержательной стороны национальной идеи как социально-философской проблемы не случайно, многие современные дискуссии о «пути» России, ее перспективах, причинах неудач в различных сферах, отторжении ее западными государствами очень часто, даже иногда непонятно почему, связывают с кризисом национальной идеи. Понятие «наци-

ональная идея» так часто звучит с экрана телевизора, в философских, научных и политических диспутах и дискуссиях, что складывается впечатление, что все знают, о чем говорят, но при анализе национальной идеи как категории, в том числе и философской, обнаруживается, что это совсем не так. Показателем того может служить, что нет такой категории ни в философских, ни в социологических словарях¹, нет и оговаривания, о чем идет речь и в дискуссиях. Самоочевидность понятия «национальная идея» опасна тем, что порой дискутирующие не понимают, о чем говорят их партнеры по диалогу, или понимают превратно. Так, например, происходило на всероссийской конференции «Преемство», проходившей в 1999 году. Разрешить данную проблему может только четкое определение категории «национальная идея», которое обязательно должно раскрывать содержательную и функциональную стороны данного понятия и исключить разного рода спекуляции на сей счет.

Возможность дать такое определение заключена в системном подходе к анализу основных элементов национальной идеи как таковой в отрыве от конкретных наций и соответственно только с философских, общенаучных позиций. Методологическим основанием своего анализа я избрал системно-кибернетический подход, который направлен на анализ информационных (коммуникативных²) систем, что обусловлено природой самих входящих в национальную идею элементов и общим представлением о том, что такое национальная идея. Поясню. Во всех проанализированных отечественных дискуссиях национальная идея выступает явно как коммуникативная система, построенная на национальных символах (которые, собственно, и можно назвать ее элементами). Коммуникативной системой ее делает сама направленность и форма существования, она никогда и нигде не предстает в отрыве от мнений, представлений и выражаемых публично или ментально отношений, она всегда знаково выражена в национальных символах и функционирует как оперирование данными символами, т.е., по сути дела, представляет собой информацию. Данная система обладает своей главной, основополагающей особенностью, она всегда соотносима с представлениями определенной нации (почему, собственно, и называется национальной), и всегда стремится к выражению центрального содержательного нарратива внешнего и внутреннего по отношению к нации мира (что, собственно, и делает ее идеей).

Данное изложение, в принципе, могло бы удовлетворить пытливого читателя, но оно явно недостаточно для философского осмысления проблемы, т.к. не отражает ни сущности, ни сторон, ни функций национальной идеи. Для этого необходим более глубокий анализ, который логичнее всего начать с анализа элементов рассматриваемого предмета (системы). В связи с тем, что мы признали национальную идею информационной (коммуникативной) системой, следует признать, что ее элементами являются некие знаковые выражения смысла, заключенного в ее содержании. Относительно национальной идеи, чья специфика обусловлена спецификой нации, такие знаки будут иметь явный национальный характер, но в силу того, что содержание, раскрываемое ею в смыслах очень многопланово (многослойно, многоступенчато и т.д.) то непосредственного знакового выражения оно иметь не может, как бы совершенен не был язык нации, носителем национального смысла может быть только национальный символ, с их идеальной и знаковой многоаспектностью, т.к. именно они являются основной формой выражения представлений нации о себе.

Важнейшей отличительной чертой национальных символов является их несомненная эмоциональная ангажированность, которая направлена в первую очередь на мобилизацию активности индивидов и мотивацию их к

социально значимой деятельности, т.к. она есть необходимое условие их функционирования. Носителем национальных символов является основной пласт культуры нации – этническая (во многом традиционная) культура. Что проявляется в использовании при конструировании и распространении национальных символов традиционных культурных аналогий, например, при раскрытии образа героя-патриота активно используются аналогии с мифическими и историческими героями. При этом многие из этих черт могут быть приписаны патриоту с целью определения их в качестве специфически-национальных черт. Эмоциональная нагруженность и культурная вписанность национальных символов способствуют не только мотивированию членов нации, но и расширению ассоциативного ряда самих символов, во многом предопределяя его. С достаточной долей условности можно говорить об архетипической обусловленности национальных символов в том плане, что они основываются на врожденных психологических структурах, а не являются сами по себе такими структурами (как можно было бы подумать). Архетипичность национальных символов позволяет им пережить распад традиционной культуры, совпадающий с формированием нации, и перенести ее основные аналогии в поле национальной культуры.

Основное содержание национальных символов составляющие для нации идеалы и ценности, согласующиеся с ее основной идеей, в силу чего можно говорить о них как об идеальных. Помимо этого символ имеет самостоятельную ценность и обнаруживает (указывает на) какой-либо аспект нации как реальность, т.е. так же связан со значимой для нации идеей. Но, указывая на ту или иную идею, он объединяет ее различные планы в единое целое, при этом является не просто проводником идеи (или к идее), а сам принимает участие в ее конструировании, тем самым можно говорить о том, что национальные символы принимают участие в конструировании и развитии нации.

Важнейшая задача национального символа состоит в создании и передаче многоступенчатой смысловой структуры объяснений и пониманий, которая способствует наиболее полному раскрытию их идеальной основы, и возможна только при работе интерпретатора с различного рода кодами для адекватного понимания содержащегося в символическом содержании смысла, т.к. реконструкция смысла может быть многовариантной, а передаваемый смысл при этом должен обладать универсальностью его пониманий (трактовок). Многоуровневый нарратив символа не эклектичен, а вариативен, что обуславливает его открытость для интересубъективного диалога очень широкого круга людей.

Важно отметить, что национальный символ, в силу того, что он обусловлен идеей, не является пустой формой или принципом конструирования, а несет в себе синтез знаков, зависящих от конкретной ситуации его использования, и содержания (смысла идеи), изначально заложенного в него. Нация выступает по отношению к символам интерпретирующим символизируемые идеи субъектом. Тем самым символы являются основными элементами самосознания нации, т.е. выступают как элементы национальной идеи, характеризующейся не только рефлексией самобытности, но и интерпретацией этой самобытности в свете адекватности общечеловеческим ценностям и целям.

Многозначность и вариативность иносказаний объяснения и понимания национального символа, обуславливает его герменевтическую экспликацию, а интерпретация его содержания, для выражения и постижения другого содержания – риторическую ассоциативность, что соответствует экстенсивности и интенсивности самосознания нации. Внутри национальной идеи символ выполняет три

основные функции: презентативную, репрезентативную и смысловую. В целом можно отметить, что эти три функции показывают динамический характер национальной идеи и обусловлены им, что выражается в развитии национальной идеи от обозначения национально значимых исторических событий, действий, явлений и/или черт народа, через их замещение ценностно-целевыми идеями (представлениями) нации о себе, к наиболее полному раскрытию последних, через ассоциирование их с как можно большим числом событий, действий, явлений и черт, а также в сопоставлении их с общечеловеческими ценностями и идеалами.

Основным источником и материалом для построения национального символа служит историческая память народа, которая для обретения своей символической формы должна быть выражена в знаковой форме. Но основным компонентом национального символа является не его значение, или ассоциативный ряд значений, а идеальное содержание, которое означает в нем. Например, наиболее важным национальным символом американской нации служит оригинал Конституции, но не как основной закон, а наряду со «Статией свободы», как символ исходного положения американской нации – идеи свободы, включающей широкий спектр значений от государственно-политической независимости народа, до культурного самоопределения личности. А потому имеющие символическую нагрузку знаки не обязательно должны иметь материальную основу, например, важнейший национальный символ русских – это победа в Великой Отечественной войне, которая совершенно лишена непосредственного материального воплощения.

В исследовании символической природы национальной идеи основной задачей является семиотический анализ знаковой основы национальных символов, обусловлено это неясностью символического содержания, его интуитивной основой, а потому невозможностью его прямого постижения, что заставляет обратиться к анализу не содержания, а формы, которая имеет знаковую основу, служащую для хранения, передачи символического содержания и его закрепления в языке, национальной (государственной) символике и других коммуникативных системах сигнализации. Это выражается в анализе производства, строения и функционирования знаковой системы национальной идеи. Речь идет, конечно же, о гуманитарном семиотическом анализе языка, литературы, идеологии и т.п., применительно к анализу какой-либо конкретной национальной идеи подразумевается декодирование ее способов упорядочения знаков, что, главным образом позволяет раскрыть коммуникативную функцию национальной идеи.

Знаковая система национальной идеи трехуровневая: первый – репрезентативный уровень – проявляется в отношениях между знаками и обозначаемыми ими объектами, и заключается в представлении наиболее значимых для нации исторических событий, культурных явлений и ценных предметов культуры и быта; второй – уровень символической интерпретации – обусловлен внутренними отношениями между знаками, проявляющимися в их символическом многоаспектном использовании; третий – референтный – несет основную функциональную нагрузку в отношениях между знаками и теми, кто ими пользуется, что выражается в прагматической направленности использования знаков, например, в идеологии.

Функционирование знаков и символов в национальной идее как системе представлений нации о себе очень тесно связано с содержащимся в национальном языке кодом. Такой код имеет, в первую очередь, культурную, а не логико-семантическую природу, и обусловлен этническим происхождением символических знаков, что является конкретным механизмом сохранения культур-

ной традиции. Связано это с пятью аспектами архетипа, которые, будучи предметом коллективного бессознательного, обуславливают всеобщность и имманентность кода для представителей нации. К этим аспектам можно отнести: 1) априорный характер условий интуиции; 2) архаичность форм постижения мира; 3) предзаданность внутренних образов внешнего; 4) вневременность этих образов; 5) общность имманентных образов для всего человеческого рода³.

Относительно кода национальной идеи, обуславливающего конструирование и интерпретацию знаков и символов, можно сказать, что эти пять аспектов архетипа обуславливают соответственно направленность опыта и универсальную схему кодирования и декодирования его значений и смыслов, систему антропоморфных интуитивных координат «Я–МЫ–ОНИ», типизацию и последующее присвоение объективных процессов, универсальность символического представления, объединяющего исторические вариации опыта в нерасчленимое целое, универсальность кодов человечества, которые позволяют приступить к диалогу не только внутри нации, но и в межнациональном общении. Применение понятия код, влечет непременно признание инвариантной составляющей символических значений, во многом обусловленной спецификой национального языка (его этимологической целостностью), иначе нет оснований говорить о возможности индивидов понимать и обозначать в символах общее содержание. Сведение содержащегося в национальной культуре кода к инварианту значений символов говорит о том, что он является структурой последних, архетипическая же природа его показывает объективность (не произвольность, не конвенциональность) декодирования символов. Потому можно заключить, что специфика национальных символов и «означений» есть специфика применяемого в системе национальной идеи кода их интерпретации. Подтверждением данного заключения служит общность форм, но разность содержания, используемых различными нациями символов, таких как Родина, патриот, национальные пороки и т.д.

Обобщением вышесказанного может служить следующее определение национальной идеи: она является знаковым выражением символических представлений нации о себе и своих ценности и цели, структурно организованных объективным архетипическим кодом, выполняющим мобилизующую (мотивирующую) и презентативную функции в самоопределении и самосознании нации; национальные символы, являющиеся основным элементом национальной идеи, есть носитель заключенной в ней информации, который служит кодированным эквивалентом значимых для нации идей, целей и ценностей, зафиксированный национальной культурой, и передаваемый с помощью условных знаков (но не алфавита), образующих некий смысл. Национальная идея, будучи транслируема индивиду неявным образом, выступает как априорное основание его национального самоопределения, и как критерий построения его общественных отношений без необходимости их специальной рефлексии.

При этом национальную идею невозможно свести к системе идентичностей, выраженной при помощи языка в символических значениях, она в силу эмоциональной окраски индивидами символов, которые сами по себе не всегда выражаются при помощи языка (например, памятники, или многие составляющие этнической культуры), фиксирует не только и не столько содержание тех или иных идей, но фиксирует ожидаемые переживания при оперировании национальными символами. Это требует введения наряду со знаками еще одной формы выражения таких символов – симулякра.

Национальные символы не являются симулякрами, как и не являются простыми знаковыми символами, или

тем более знаками, в них тесно сочленены и содержание и эмоциональное переживание, которые придают национальному символу диалектический характер развивающегося в борьбе противоположностей смыслов и значений идеи синтеза. Несводимость знаков и симулякров, с одной стороны, и необходимость адекватности раскрытия идей в символах с другой – обуславливают нестабильность национальных символов, что проявляется в отсутствии раз и навсегда данных символов. Они постоянно сменяют друг друга, но при этом можно говорить о том, что они не уничтожаются, а отодвигаются на второй план, как бы забываются нацией, что в свою очередь проявляется снижении интенсивности их использования. Но при необходимости они могут быть опять вызваны, но уже не будут нести прежнего содержания и эмоций. Именно диалектика знака и симулякра, на взгляд автора, рождает национальный символ, и она же определяет, как его развитие и совершенствование, так и его временность.

Национальный символ – это не квазисимулякр (т.е. не симулякр симулякра), не симулякр знака или значения и не значение эмоции – это значение (знак) эмоционально воспринимаемый через симулякр. Если сравнить общее содержание национальной идеи не просто с информацией, которую она несет, а с текстом, то симулякр как не высказанное переживание будет играть в нем роль пробелов, без которых понимание информации либо очень затруднено, либо вовсе не может быть интерпретировано (понято). Эмоциональная нагрузка этого «пробела» не сообщает никакой информации и даже не содержит в себе смысла, в его классическом понимании, но все же используется в общении для мотивации понимания знаков, при этом дополняет код как подсказка требуемого результата декодирования.

Ни знаки, ни симулякры, ни код не являются средством передачи информации (смысла), такими каналами связи являются символы, что обуславливает его определенность (не условность), т.к. символ передает только определенный тип информации и не может служить средством (каналом) передачи несовместимого с ним смысла. Например, символом героического подвига можно передать ценность патриотического поступка, идеал любви к Родине, даже как уже указывалось специфику национальных черт, но он практически не способен передать эстетическую специфику национальной культуры, приоритеты нации в экономической или политической сферах и т.п. Для последних используются иные символы, например литературные памятники, картины, музыка или же образ чтимого президента и т.д. Адекватность символа передаваемому смыслу обусловлена в первую очередь выбором соответствующего знака, основным критерием чего является происхождение последнего в соответствующей обозначаемому смыслу сфере.

Диалектический характер национальных символов позволяет говорить о соотношении количества и качества в передаваемом ими содержании. Для этого соотнесем символ, смысл и идеи (идеалы, цели и ценности) соответственно с мерой, количеством и качеством передаваемой национальной идеей информации, из чего получим, что адекватность символа идее определяется количеством заключенных в нем смыслов. Это позволяет говорить о том, что для полноценного и адекватного отражения и транслирования идеи достаточно небольшого числа символов, но при этом они должны нести в себе максимум смысловой нагрузки, что в свою очередь возможно, лишь при включении в них как можно большего спектра соответствующих сфере, передаваемой идеи, знаков и симулякров.

В дополнение и заключение к вышесказанному о национальном символе можно прибавить, что в нем есть три основные составляющие (три аспекта): онтологичес-

кая, аксиологическая и прагматическая. Прагматический аспект национальных символов состоит в их способности мотивировать членов нации к интеграции и идентификации своего единства. Нация при этом извлекает из символов их содержание и включает его в общую систему коммуникации, обуславливая тем самым ее основные смыслы-значения, т.е. способствует пониманию и объяснению в общении. Аксиологический аспект – состоит в приписывании ценностного значения смыслам как коррелятам общения, раскрывая их семантический и прагматический аспекты. Объективный же аспект – состоит в объективности содержания и способа интерпретации национальных символов. Эти три аспекта национального символа обуславливают устойчивость, воспроизводимость и динамику нации, что позволяет говорить об их определяющем влиянии на самосохранение последней в современных исторических условиях.

Национальная идея оправдывает нацию как основную форму существования современного общества, т.к. для формирования оптимального поведения в среде своего существования нация должна постоянно приспосабливаться к непрерывно изменяющимся внешним условиям, познавая эту среду путем сбора и обработки как внешней, так и внутренней информации. В результате чего в нации формируется динамическая информационная модель внешнего мира – национальная идея, являющаяся результатом сбора, передачи, накопления, переработки информации о нем. Национальная идея служит системообразующим и структуроорганизующим принципом нации, что повышает жизнеспособность нации в ходе ее приспособления к изменчивым внешним условиям. Необходимость появления национальной идеи, а вместе с тем нового общественного формирования, использующего ее, – нации, обусловлена распадом в индустриальном и постиндустриальном обществе традиционной культуры, а, следовательно, не способности прежнего общественного формирования – этноса, решать усложняющиеся задачи-вызовы изменившейся среды обитания общества. Преимущества нации перед этносом полностью обусловлены только национальной идеей, что заключено в функциях, которые последняя выполняет по отношению к нации и входящим в нее индивидам.

К таким функциям можно отнести: 1) интегрирующую; 2) идентификационную; 3) мобилизационную (мотивационную); 4) презентативную; 5) и коммуникативную. Последняя – коммуникативная – функция является основной первых четырех, т.к. они могут быть раскрыты лишь внутри ситуации общения. Все эти функции обусловлены национальными символами, спецификой их свойств и особенностями их функционирования внутри национальной идеи как полиструктурной системы.

Примечания

1. А если такой термин и присутствует в словаре, как, например, в словаре по политологии (См.: Политология: Энциклопедический словарь. – М., 1993. – с. 203, 212), то он явно не соответствует тому смыслу, который используется в дискуссиях.

2. Различие понятий коммуникация и информация значительное само по себе, но не обязательно в контексте данной статьи. Определим здесь их отношение как функции и структуры, т.е. будем призывать коммуникацию одной из функциональных сторон информации.

3. См.: Юнг К. Г. Архетип и символ. – М., 1991. – С. 64–122.

ФИНК Рудольф Александрович, аспирант кафедры философии и социальных коммуникаций ОмГТУ.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.12.06 г.
© Финк Р.А.

УДК 159.9+1

В. П. ГЕРАСИМОВ

Омский государственный
технический университет

ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ САМОСТИ

Статья посвящена анализу самости с позиции неопредетерминизма, который в пост-классической психологии выступает как психосинергетическая парадигма, в рамках которой человек рассматривается как неравновесная, трансцендентальная и диссипативная система, обладающая сознанием. В этой связи самость выступает как особый содержательный аспект самодетерминации, осуществляющийся как переживание субъектом Я-соотнесенности того, что происходит в нем самом и вокруг него.

Детерминация существования, поведения и осуществления человека в его общих сущностных составляющих представляет собой одновременно и философскую, и психологическую проблемы, содержание которых, по крайней мере сейчас, в достаточной степени созвучны.

В классической философии, в её метафизической воплощенности, когда основной методологической позицией является установка на усмотрение глубинного и имманентного смысла и логики в бытии и в сущности любого феномена, доминирующим гносеологическим мотивом становится рассмотрение широкого спектра первообусловленностей – от Бога до трансцендентально (сверхчувственно) постигаемого рационального логоса мироздания. В этом суть объективного гносеологизма, во многом обусловленного сущностной составляющей функционирующего сознания субъекта, в том числе и исследователя, выстраивающего через осознание «предметности» бытия каузальную атрибутированность, линейно и однозначно определяемую. В контексте такого подхода

гносеологизм, как особая парадигмальная позиция, основанная на признании бытия «объективной реальностью» и противостоящего этой реальности субъекта, порождает проблему сущности бытия, его познаваемости и специфики его «отражения» в сознании человека. Именно отражение как основная характеристика взаимодействия субъекта с окружающим миром и выступает в качестве деривата такого противопоставления.

Вместе с тем следует признать, что такая предположенность субъекта и мира как бы оттеняла проблему человека в мире. Появился интерес философов к вопросу сущности не только бытия, но и сущностных свойств человека. С необходимостью возникла проблема человеческого или очеловеченного бытия, которое в работах М. Хайдеггера, С.Л. Рубинштейна, в психологии, превратилось в онтологическую позицию. При этом определилось представление об онтологии бытия как о бытии человека. У Хайдеггера [15] «очеловеченное» бытие существует уже в понятии *das Sein* – в сущствительном, происшедшем

от глагола «быть», т.е. быть чему-то конкретному, состояться как конкретное существование или осуществление чего-то сущего, например, человека. С.Л.Рубинштейн занимает еще более определенную позицию и пишет: «...познающий человек располагается не перед бытием, сущим и, значит, не располагает его перед собой, превращая все бытие в предмет, в объективную наличность для созерцания, превращая все только в объект для субъекта, а находясь внутри его». [11. С.260]

Своеобразие позиции М.Хайдеггера состоит в противостоянии метафизической парадигме, в рамках которой существует антагонистическая диада «субъект – объект», парадигмы экзистенциальной, через заключение, что бытие существует лишь как бытие человека, субъекта бытия. Такое противопоставление выливается в ситуацию, когда осуществление субъекта в мире описывается им как «здесьбытие» - «*Dasein*».[15] **Фактически экзистенциальная философия М.Хайдеггера осуществляется, как попытка обособовать и описать субъективное бытие, представить его как бытие субъекта, как его самоосуществление.** Именно в этой связи в его теории возникают две сопряженные понятийные области: «понимание» и сущностное бытие – «возможность», когда существование субъекта опосредовано, с одной стороны, его выбором, а, с другой стороны, осуществлением этого выбора в определенных условиях. «Возможность как экзистенциал, - пишет М.Хайдеггер, - означает не какое-нибудь свободно парящее в воздухе можествование в смысле «безразличия выбора». ...Здесь бытие есть возможность быть свободным для наиглубочайше-личного можествования» [15. С.4]. Таким образом, соотносимость с ситуацией осуществления «здесьбытия» существует по Хайдеггеру как «можествование», как возможность осуществления не вообще всего, а того, что субъект считает возможным. В этом суть субъектного осуществления. Можествование, по Хайдеггеру, *субъективируется*, становится принадлежащим бытийствующему субъекту как понимание. Последнее осуществляется, прежде всего, как ограничение «можествования», которое ограничено возможностями самого субъекта. В рамках такой позиции «*Dasein*» **превращается в осуществляемое здесь существование, становится осуществлением можествования субъекта в мире возможностей.** Такое понимание процессов бытия позволяет говорить о новом аспекте экзистенциальности – как о реализации субъектом самого себя в процессе свободного выбора возможностей, обусловленных приглашающими влияниями мира. В этом состоит одна из содержательных сущностей «неодетерминизма».

Инаковость недетерминизма выражается в том, что для данной парадигмальной позиции характерно иное, чем прежде рассмотрение возможности возникновения причинно-следственных связей, основанное на представлениях о нелинейности взаимодействия, на признании отсутствия феномена внешней причины и отказ от принудительной каузальности.

Особый подход в реализации неодетерминизма существует как синергетика, а в психологии как психосинергетика. Синергетическая парадигма, особенно в психологии, представляется в достаточной степени прагматичной позицией, поскольку содержит минимальное количество допущений. Пожалуй, главным из них является предположение о наличии особого вида системной детерминации - самоорганизации. Самоорганизация выражается в том, что возникновение, становление, поведение и свойства системы определяются свойствами, входящих в нее элементов и характером их иерархизированного взаимодействия внутри такой системы. Такие структурированные системы носят название неравновесных. При этом система автономна по отношению к внесистемному пространству, суверенна, и даже конечный

уровень её развития определяется внутренним образом, и существует как аттрактор. Это обозначает, что если рассматривать человека как систему, то, как раз возможность суверенного существования и производства себя из всех имеющихся «можествований» будет определять его как субъекта.

Особую область во множестве неравновесных систем составляют «живые системы». Их основным свойством является выраженное, в присущей им поведенческой активности, стремление сохранить свою неравновесность, т.е. целостность. У таких систем самоорганизация превращается в особое свойство – самодетерминацию, которая проявляется, прежде всего, в предвзятом отношении такой системы к свойствам внесистемного пространства. Это заметил еще Л.С.Выготский, когда писал, что предназначенность психики, «её положительная роль – ... чтобы не всегда верно отражать, т.е. субъективно *искажать* действительность в пользу *организма*» (курсив мой В.Г.) [4.С.55]. Таким образом, субъективность выступает не как некий артефакт психического отражения, а как переживание предвзятости, но предвзятости отнесенной к системе, у человека – к нему самому, субъективной предвзятости или *субъективности*. В таком контексте психика из отражающей превращается в порождающую, а поведение субъекта определяется особым психологическим феноменом, существующим как образ мира [8], как многомерный мир человека [6]. Это обозначает, что случай выступает как зафиксированный миг взаимодействия, как квант изменения изменчивости, а у человека, как проявление сущностного содержания индивидуальности субъекта, индивидуальности произвольно манифестируемой, осуществляющейся как уникальность момента самобытийствования Я-соотнесенного, т.е. каузально атрибутированного относительно самого субъекта. Здесь возникает особая феноменальность субъективного как свойства субъекта. Субъективное осуществляется как выстраивание Я-соотнесенностей в процессе детерминации поведения и деятельности субъекта, а субъективность выступает как базовое, необходимое для сохранения живой системы свойство.

Таким образом, если рассматривать человека как систему, но в его сущностной составляющей, определяемой наличием сознания, то самодетерминация, представленная у всех живых систем как стремление сохранить свою неравновесность, у человека с необходимостью превращается Я-детерминированность его поведения. В этих условиях образ мира, многомерный мир человека, превращается в образ жизни, обеспеченный возникновением особых смысловых (содержащих обязательно оценочный компонент) векторов, представленных еще в онтологической концепции М.М.Бахтина и С.Л.Рубинштейна как «Я-для других», «Я для себя», «Другие для меня»[3, 11].

В таком содержательном контексте выстраиваемый в психологии ряд: субъект, субъективность, дополняется еще и моментом Я-соотнесенности своего существования или самостью. Этот ряд отнюдь не обозначает синонимичность представленных в данном случае понятий. На самом деле, по нашему мнению, это разные по своей функциональной содержательности свойства человека - субъекта, причем субъекта, не только как носителя деятельности и не столько человека как продукта этой деятельности, сколько человека свободного и, следовательно, потенциально способного осуществить эту свободу, как организацию и реализацию свободного выбора способов осуществления своих сущностных свойств.

В рамках психосинергетической позиции человек не просто способен к надситуативному поведению, но в таком поведении он осуществляется как сущее, становится сущим и определяет свое здесь и сейчас существование, становясь иным, чем он был, оставаясь иным, по

сравнению с тем, чем он будет, и, осознавая себя иным в окружающем мире, предстоящим этому миру. Именно в этой связи В. Франкл считал основным сущностным свойством человека «самотрансценденцию», как ориентировку во внешнем мире, как ориентировку «на смысл, который необходимо осуществить ...» [14.С.29]. Это некий субъектно соотносенный момент, существующий как самостно обусловленный, имеющий самооценочный, субъективный контекст, а не просто предметно осмысленный человеком мир. Это обозначает, что структурно-содержательный аспект смысла как психологического феномена представлен в сознании и как предмет побуждающий, и как переживание его самостной (субъектно отнесенной) значимости, т.е. не только в личностной определенности, или в социальной контекстности, но и в собственной субъективной его значимости. В этом, по-видимому, состоит не просто индивидуальность, как результат индивидуации, т.е. отнесения присущего человеку самому себе, но осуществляется субъективация, как осознание самопричастности собственному выбору и самоответственности.

Однако выбор предполагает основания для его осуществления. Одним из таких оснований является уже упоминавшаяся нами предметность человеческого бытия, когда он, через осознание наличия реального мира, осознает себя. Именно в этом состоит первый аспект самотрансценденции, как сущностного свойства человека.

В наиболее примитивной форме, субъективный выбор определяется обстоятельствами, но в этом случае и самоответственность человека переживается им как ответственность, которую он перекладывает на ситуацию. Это обозначает, что активность субъекта здесь осуществляется как процесс приспособления или адаптации его к условиям существования, в котором минимизируется присутствие «Я» субъекта, и он перестает быть собой, теряет свою «яйность» (термин Хайдеггера). Человек осуществляется в данном случае на принципах *гомеостаза*.

Однако еще В.Франкл заметил, что самоактуализация может определяться, в том числе, и как создание субъектом внутреннего напряжения. Это особое, может быть не всегда каузально осознаваемое, проявление человека как флуктуирующей системы носит название гетеростаза. *Гетеростаз* определяется как «... развитие, выход «за пределы» норм, самостоятельное нарушение равновесия с целью развития нового – творчество, самореализация [6. С.137]. В этой связи, другая форма выбора субъектом момента и способа самоосуществления или самореализации состоит в производстве условий для динамического самоосуществления, для реализации того, что В.П. Зинченко назвал «живым действием», которое существует как создание субъектом себя иного, и его выход за пределы себя сложившегося (развитие) [5].

Но такая форма самоосуществления требует нового способа его организации. В этом случае взаимодействие субъекта с окружающим миром осуществляется на принципах *гомеореза*. *Гомеорез* существует как проявление способности системы к развитию и определяется как «достижение некоторой нормы, через производство новообразований» [6.С.138].

Суть соотношения этих принципов, обеспечивающих осуществления человека как системы, состоит в том, что «гомеорез «дисциплинирует» гетеростаз, преобразуя его в «нормотворчество» [6.С.137].

Вместе с тем закономерности регуляции, открытые в физиологии движений, кибернетике и психологии поведения [1, 2, 10], требуют наличия особого регуляторного фактора, который носит название плана действия, программы действия, акцептора действия, программы

потребного будущего, а в синергетике управляющего параметра. Но в тех случаях, когда дело касается живых систем, главенствующим моментом становится предикат «потребное», соотношенное с содержанием потребности, а если речь идет о человеке, наделенном сознанием, то и Я-соотношенным будущим. Именно в этом состоит первый содержательный аспект феномена «яйности» или самости. Причем феноменология самости, если следовать логике психосинергетики должна выводиться не из феноменологии сознания, как это делал К.Юнг [16], и не только как момент или процесс существования Я, как у Хайдеггера [15], но как свойство наделенной сознанием и потому субъективно пристрастной и субъектно ответственной живой системы, которой является человек. В этом случае гетеростаз, по логике вещей, осуществляется как производство субъектом Я-соотношенных норм, как нормотворчество для себя. Эти нормы теперь существуют не просто в виде превращенных форм сознания, но как субъективированные, отнесенные к самому субъекту.

В отечественной психологии достаточно прочно утвердилось понятие «субъект», как сознательно действующее лицо, субъект жизни и познания, осознания мира и самого себя как сознательного существа. В этой связи самость как момент самосознания может рассматриваться как свойство субъекта, причем такое, без которого не возможен процесс субъективации, возникновения субъективного, т.е. Я-соотношенного отношения к миру. Но для того, чтобы стала возможной такая Я-соотношенность, необходимо отражение в сознании субъекта момента существования самого субъекта, как суверенного существа, наделенного собственной активностью, способного к надситуативному, т.е. произвольному и преобразующему ситуацию, взаимодействию с ней.

Таким образом, в другом содержательном аспекте самость выступает как результат Я-осознания, как противоположение субъекта объектному или предметному миру. Самость определяется возможностью осознаваемого выделения субъектом себя из ситуации, и переживанием момента своей суверенности как возможности произвольного отвлечения от ситуации и вовлечения в неё, как осуществление момента произвольного выбора содержательных аспектов своего существования, как самоосуществление. Именно самость и определяет такую возможность, выступая как условие существования и условие осуществления «Я» человека.

Говоря так, мы хотим подчеркнуть, что, по нашему мнению, понятие «Я» и понятие «самость» не тождественны. Скорее можно утверждать, что осуществление человека как субъекта определяется переживанием Я, а осуществление «Я» обеспечивается возможностью переживания самости. Именно в этой связи «Я» и «Самость» нельзя признать одинаковыми по содержанию психическими феноменами. Каждое из них является возможностью осуществления другого, а вместе они определяют реализацию человека как субъекта. Самость существует как способ и условие переживания субъектом отношения к самому себе.

Именно в такой содержательной двойности самость выступает как фактор и момент реализации важного для человека, как живой системы, свойства предвзятости (субъективности), как проявление его «яйности», где субъективность выступает не только как возможность индивидуально своеобразного видения человеком окружающей среды, но восприятие мира как жизненной ситуации, в его, определяемой актуальной потребностью, смысловой окрашенности. Самость в этом случае существует как свойство, обеспечивающее переживание Я-оцененности активности человека, как условие возникновения его претензий к ситуации его жизни, как

возможность осуществления им осознаваемого выбора, в том числе, и жизненного пути, как необходимое предпосылка к порождению смыслов.

Когда мы говорим о феноменах Я и самости, то имеем в виду еще один существенный аспект их существования - это многообразие их реализации. Осознаваемое Я может определяться деятельностью и степенью её актуальности для субъекта (как возможность и факт самореализации), другими людьми, как усвоенное субъектом их отношения к нему, ставшее самоотношением, наконец, как момент принятия им происшедших в нем самом изменений и признание или узнавание себя измененного. В таком контексте самость выступает как отношение Я к Я, как момент самоидентификации, как установление тождественности, идентичности меня теперешнего ко мне прошлому. В таком контексте самость может быть представлена как Я-ощущение, как Я-тождественность.

Наконец, если рассматривать человека как систему, способную действовать на принципах «гетеростаза», то следует оттенить еще одну функциональную и, следовательно, феноменальную составляющую самости – производство норм для себя, что обозначает производство самого себя, когда самость существует как возможность самопреобразования [12]. Признание этого факта существенным образом меняет представление о самодетерминации у человека. Наличие самости, обеспечивающей процесс самоотнесенности активности субъекта, и характер отношения его к результатам такой активности порождает два содержательных аспекта процесса самодетерминации: процесс самоактуализации и процесс самодетерминации. Появляется иное, чем обычно, понимание самоактуализации, как приписывание субъективного веса, возникающим у субъекта побуждениям, а также осознаваемым и принимаемым им ценностям. На уровне становления мотивации активности субъекта это проявляется в том, что побуждение, прежде чем стать мотивом, осознается человеком, в той или иной форме и принимается или не принимается им к реализации в качестве мотива его деятельности [13].

В таком контексте самоактуализация – это не только «...стремление человека к возможно более полному выявлению и развитию личностных возможностей» [7. С.311], и не действие, направленное на удовлетворение потребности, и в этом смысле универсальный принцип жизни и стремление субъекта реализовать заложенные в нем потенции [9], а переживание субъектом значимости побуждений и способов реализации этих побуждений в их Я-соотнесенности.

Однако субъект существует не только как потенциальная свобода выбора содержания и способов самоосуществления. Выбор человека имеет и другую содержательную плоскость – быть или не быть собой, осуществляться или нет, манифестировать свою индивидуальность или спрятаться за фасадом формальных ролей. Именно в этом случае появляется особое свойство субъекта и особое проявление самости – субъектность, как Я-отнесенный переход от потенции к её реализации. Именно такой переход существует как процесс самореализации, которая в этом случае понимается как осознаваемый человеком выбор момента перевода возможности в действительность, как процесс самотворения или самостановления, самопрезентации. В этом случае самость проявляется как особый момент, как момент переживания Я-принятия или самопринятия, от содержания которого зависит реализация субъекта как индивидуальности. Появляется зависимость, в рамках которой человек осуществляется как индивидуальность в меру того, насколько он себя принимает.

Таким образом, в философии неопредетерминизма проблема самости появляется как следствие возникновения

онтологической позиции в решении основного философского вопроса. Самость в контексте такого подхода выступает как некий описательный феномен, обозначающий примат человеческого, субъективного, вероятно детерминированного в описании бытия.

В психологии самость выступает как необходимое следствие определения человека как субъекта, т.е. наделенного способностью субъективно обусловленной организации бытия, бытия, переживаемого как многомерный мир человека. В этой связи самость существует как базовое условие организации Я-соотнесенной активности субъекта, обуславливающей возникновение смыслового взаимодействия его с окружающим миром, позволяющее рассматривать психику не как процесс отражения, а как процесс субъективного порождения.

Самость как психологический феномен позволяет рассматривать жизнь человека, его взаимодействие с социумом как процесс осуществления его сущностных свойств, как манифестацию его индивидуальности, обусловленную характером самопринятия субъекта.

Библиографический список

1. Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М.: Медицина, 1968.
2. Бернштейн Н.А. Некоторые проблемы регуляции двигательных актов. Вопросы психологии, 1957. № 6. – С. 70-91.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
4. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса. Психология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000, С. 14-121.
5. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерк российской психологии. – М.: Тривола, 1994.
6. Ключко В.Е. Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. – Томск: Изд-во Томского университета, 1999.
7. Краткий психологический словарь. – М.: Политиздат, 1985.
8. Леонтьев А.Н. Образ мира // Леонтьев А.Н. Избр. Психол. произведения: в 2-х томах. Т.2. М.: Педагогика, 1983. С.251-261.
9. Маслоу А. Г. Мотивация и личность СПб.: Евразия, 1999.
10. Дж. Миллер, Е. Галантер и К. Прибрам Планы и структура поведения. – М.: «Прогресс», 1965.
11. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М.: «Педагогика», 1976.
12. Слободчиков, Е.И. Исаев Антропологический принцип в психологии развития. – Вopr. психол. 1998. № 6. (С. 3-17).
13. Файзулаев А.А. Принятие мотива личностью. // Психол. журнал. – Т.1. - № 4. – 1985. – С. 87-97.
14. Франкл В. Человек в поисках смысла. Сборник. – М.: Прогресс, 1990.
15. Хайдеггер М. Бытие и время / Работы и размышления разных лет. Пер с нем. М.: Изд-во «Гнозис», 1993.
16. Юнг К. Ответ Иову. М.: Канон, 1995.

ГЕРАСИМОВ Владимир Павлович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.11.06 г.
© Герасимов В.П.

УДК 2-13

Н. А. ШВЕЦОВА

Пермская государственная
сельскохозяйственная академия
им. Д. Н. Прянишникова

ФЕНОМЕН ХАРИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РЕЛИГИОЗНОМ СОЗНАНИИ

В статье рассматривается структура религиозного сознания и харизма как особое эмоциональное состояние сознания на современном этапе развития общества. Выявлены истоки харизмы, исторические и современные формы ее проявления, полифункциональность этого духовного феномена, его место в религиозном сознании и культуре.

В динамике общественного сознания в условиях цивилизационного кризиса возрождается иррациональная составляющая, в которой традиционный элемент – религиозное сознание, в структуре которого большое место занимает харизма. Возрастание роли харизмы в религиозном сознании, культуре и деятельности людей актуализирует исследования природы, сущности иррационального в сознании, в том числе проявление и особенности данного феномена. В настоящее время харизма диктуется прежде всего кризисом, порождающим глубокий интерес к иррациональным формам бытия, которые, в свою очередь, являются духовной основой для бурного развития религиозного сознания и его харизматического содержания. Глубинное содержание харизмы кроется в истории человека, в его духовных потребностях, неотъемлемой составляющей которых является харизма как особое эмоциональное состояние сознания.

Чтобы раскрыть содержание феномена харизмы в современной религиозной культуре, необходимо проследить его проявление в обыденном сознании, так как в его сложной структуре есть значительное иррациональное начало – предрассудок, заблуждение, ошибочность,

преувеличение, миф, фетишистские элементы, сложный эмоциональный компонент. Харизма – наименее всего исследована в структуре иррационального.

По мнению большинства современных исследователей, в качестве основного и наиболее общего признака религиозного сознания выступает вера в сверхъестественное. Религия духовно входит в мир человеческой культуры. Своими установлениями, предписаниями и запретами она проникает едва ли не во все сферы нашего бытия – в язык и мышление, в традиции и обряды, в быденную жизнь и творчество, в профанное и священное. С разной степенью интенсивности религия окрашивает все содержательные элементы духовной жизни общества – обычаи, нормы, ценности, смыслы и знания [1, с. 81-82].

В религии органически сплетено сакральное (сверхъестественное) и священное (особенно чтимое). Сакральное связывается с высшей ценностью, благом, идеалом, авторитетом и занимает в ценностной иерархии общества высшую ступень, становясь святыней. Сакральное понимается как феномен, относящийся к духовной сфере, трансформирующий в духовное знание и деяние. И ключевым объектом поклонения и веры является Бог

– главный источник и носитель харизмы.

Представляет значительный интерес личностный аспект исследований харизмы – об особенностях сознания и деятельности харизматических лидеров, анализ которых обнаруживает многофункциональность, многомерность и богатство содержания харизмы как сущностной черты религиозного мироотношения [2].

Для нашего анализа существенное значение имеет социально-философский аспект религиозного сознания, в частности обыденного религиозного сознания, в особенности – его иррационального содержания.

Обыденное религиозное сознание представляет собой совокупность религиозных верований, чувств и настроений, которые в значительной мере рождаются стихийно, как непосредственное отражение бессилия людей перед лицом социальных условий их жизни. Обыденное религиозное сознание отличается от религиозной идеологии по способу отражения, своей структуре. Существуют особенности обыденного религиозного сознания: его несистематизированность, преобладание в нем наглядных представлений и образов, огромная роль эмоциональных процессов.

Духовная основа харизмы в религиозном сознании – миф и его основной образ – Бог – как сверхъестественная сила. Миф – это духовная среда, в которой формируется харизма. В мифологическом сознании формируются механизмы объективации харизмы и других форм сакрализации в ритуале, обряде. Миф – это форма бытия харизмы.

Позднее содержание харизмы обогащается представлением о святости праведного человека, обладающего выдающимися духовными качествами – мудростью, умением дарить Благо, творить чудо, исцелять, пророчествовать. Такими выдающимися качествами обладали реальные личности, основатели мировых религий, выдающиеся религиозные деятели, подвижники, пророки. Нередко этими качествами их наделяли верующие, преувеличивая необычайные способности того или иного религиозного деятеля (проповедника, священника, миссионера), а церковь канонизировала образы реальных религиозных деятелей, мифологизируя их и причисляя их к статусу святых.

Истоки харизмы, на наш взгляд, – в недостатке рациональных представлений о мире и человеке в массовом сознании, в психологии верующего, в субъективных проявлениях эмоций и чувств, связанных с религиозными переживаниями, с принадлежностью к определенной религии. В основании харизмы – характерное для религиозного сознания вера в реальное существование сверхъестественного в мире и сверхъестественных духовных сил личности. Для верующего не надо искать доказательств чуда, как оно происходит, почему отдельные личности (святые, отмеченные Божественным даром) его творят. Религиозный человек верит и поклоняется Чуду, Святому, его мощам, его знакам, оставленным в памяти людей или местах пребывания (посох, книги, молитвенники и другие атрибуты веры). В этой связи представляется важным понятие «святые», уточненное в труде Р. Отто «Святые» (1917) и его современный анализ (М. Г. Писманик), в котором выражена особая направленность чувств верующего на восприятие величия, святости, внушающий трепет (субъективный мир верующего) и реальное отражение его реальных потребностей в гармонии с миром, в защите, в идеале, образцах поведения [1, с.69].

На основании многих фактов можно предположить, что историческому процессу развития религиозных верований была свойственна тенденция перехода от более конкретных, наглядных, телесных представлений о сверхъестественном к более абстрактным, общим представлениям, в которых сверхъестественное «спиритуализи-

руется» и противопоставляется материальному миру.

Необходимо выделить три важнейших особенности религиозной веры в сверхъестественное. Во-первых, религиозная вера в сверхъестественное есть не просто представления о сверхъестественном, но вера в реальное существование сверхъестественного. Во-вторых, религиозная вера всегда предполагает эмоциональное отношение к сверхъестественному. Религиозный человек не просто мыслит о сверхъестественном или представляет его, – он всегда переживает свое отношение к сверхъестественному, испытывая при этом самые различные чувства. Эмоции верующих людей специфичны не с точки зрения их физиологической основы и психологических особенностей, а с точки зрения их направленности, их объекта, т.е. их социальной роли. Следовательно, именно представления о сверхъестественном играют главную роль в религиозном комплексе, на основе которого и формируется харизма как дар божий избранным, как награда, как благодать особо праведным людям.

Специфическое отношение к сверхъестественному, которое свойственно религии, обладает еще одним важным признаком. Религиозный человек всегда находится со сверхъестественным в особых отношениях, которые можно условно назвать иллюзорно-практическими. Эти отношения существуют лишь в сознании религиозного человека, так же, как и сами объекты религиозной веры. Но последний искренне верит в существование подобных отношений и реализует эту свою веру практически, в культовых действиях. Религиозный человек верит в то, что сверхъестественные существа, силы или свойства могут, так или иначе, повлиять на его жизнь. Воображаемое воздействие сверхъестественного на реальную жизнь религиозного человека может, по его убеждению, быть положительным или отрицательным, желательным или нежелательным. Всякая религия поэтому включает в себя определенные предписания, касающиеся поведения верующего, его иллюзорных отношений к сверхъестественному. Эти предписания реализуются, прежде всего, в культе в его разнообразных формах.

Интегративной чертой религиозного сознания является религиозная вера. Вера в авторитет и могущество Бога и его посланников на Земле – главная черта харизмы.

Содержание веры обуславливает символический аспект религиозного сознания. Символ предполагает совершение сознанием актов объективирования мыслительного содержания, направленности на объективированный предмет (существо, свойство, связь), обозначения этого предмета. Предметы, действия, слова, тексты наделяются религиозными значениями и смыслами. Совокупность носителей этих значений и смыслов образует религиозно-символическую среду формирования и функционирования соответствующего сознания. Харизматическая личность для религиозного человека и символ веры в Бога, его благодать, но и реальный пример для подражания и наглядности божественного.

С верой связана диалогичность религиозного сознания. Вера в объективное существование существ включает веру в общение с ними, а такое общение предполагает диалог. Диалог реализуется в богослужении, молитве, медитации, с помощью звучащей или внутренней речи. Диалог с харизматической личностью (через текст, молитву, визуализацию) возбуждает у верующего эмоциональный подъем, «озарение».

Вера в христианской традиции есть признание воздействия трансцендентного, метаисторического на человеческую жизнь, а также уверенность в возможности «диалога» с ним. Вера как связь с «высшим благом», «высшим смыслом» (путь к Богу) не существовала вне контекста идеи спасения внутреннего Я (души), достигаемого лишь в реальном сообществе духовно близких людей

(путь к другу в духовной общине). За верой, как «проводником» в сакральный мир, признавался статус первенства, «столпа» обыденного мира. Вера понималась также как возможность его преобразования (одухотворения).

В религиозной вере человек реализует свою исконную направленность на осмысление мира и себя в этом мире через обращение к Богу как трансцендентной сущности.

Существенное значение для исследования харизмы в религиозной культуре имеет типологический подход. В типологии религиозной личности можно выделить харизматический тип религиозной личности, для которой характерно мистическое мироощущение. Наиболее полная характеристика харизматического типа лидера дана М. Вебером, который определил основной критерий лидера-харизматика – наличие сверхспособностей, особого дара к власти, управлению людьми, которые оцениваются массовым сознанием с позиций иррациональности [3].

В практике и обыденном религиозном познании действительности формируются идеалы как мировоззренческие позиции личности или общественной группы. На обыденном уровне они формируются стихийно, по содержанию – зачастую расплывчаты, бытуют в виде мечты, ожидания перемен, представлений о желаемом, должном, образцовом, совершенном, прекрасном, истинном. В силу своей ценностной природы идеал выступает побудительным стимулом деятельности и является общеизвестным компонентом обыденного сознания, исторически меняя свое содержание и форму в зависимости от изменений общественного бытия. Идеал является наиболее действенной мировоззренческой, ценностной ориентацией личности. На основе идеала формируются психологические и социальные установки личности как определенная настроенность, готовность к действию, способность выбора поведения и ценностей. Идеалы и социальные установки составляют неотъемлемые компоненты убеждений. Крайне экзальтированной, личностной формой идеала в обыденном сознании практически является харизма.

В явной форме харизма проявляется в преимущественно эмоциональном компоненте религиозного сознания и культовой практике. Культовые действия, религиозные обряды становятся таковыми, поскольку они воплощают в символической форме религиозные верования и представления.

Религиозные организации формируются на основе общности религиозных верований. Чаше всего организация складывается вокруг харизматических религиозных деятелей (показателен в этом плане история религиозных поселений, на Руси – «посадов», общин, новых религиозных конфессий).

На наш взгляд, харизма многофункциональна, многомерна и богата по содержанию, формируя сущностные черты религиозного мироотношения. Феномен харизмы имеет сакральное значение, которое сохраняется религиозными институтами, транслирующими его потом вовне. Трансляция сакрального осуществлялась посредством властных отношений и создания особой знаковой реальности. Особая знаковая реальность священного, сакрального выражена в иконописи, в религиозной архитектуре и религиозных ритуалах – в культе, в богослужении, и особенно – в священных текстах.

Символы становятся важной формой обозначения и «изображения» сверхъестественных сущностей. Символы в христианском и любом другом религиозном культе играют роль своеобразного посредника между человеком и Богом, миром земным и сверхъестественным. Символ – неотъемлемая часть харизматического представления. Символ обладает субъективным динамизмом, способным привлекать к себе внимание индивида и вызывать восхищение. Символы являются продуктами спонтанной деятельности архетипической психики [4, с.134].

Символ опосредует человека и мир, идеальное и реальное, понятийное и чувственное, возможное и действительное. Символ есть обозначение реальности, а не сама эта реальность; по символу нельзя судить ни об объекте, ни о субъекте, а только о способе их отношения, который в мифе весьма своеобразен: символ не должен и не может отождествляться с самим лежащим вне него бытием.

В функционировании символов проступает значение харизмы в осуществлении власти. Коллективная власть в мифе и ритуале осуществлялась над индивидом также в символически-авторитарной форме. В реальном бытии верующих в неразрывной связи осуществляется мифологическая и реальная харизматическая духовная власть религиозных деятелей, активно воздействующих на массовое религиозное сознание.

Существенной особенностью развития общественного сознания в России на рубеже XX-XXI веков является мировоззренческий сдвиг в массовом сознании, бурный рост религиозного сознания населения, обусловленный системным кризисом общества, в котором наиболее драматична динамика духовной жизни. Появление в России огромного количества нетрадиционных конфессий повлекло за собой множество сложнейших проблем в сфере идеологии, политики, культуры и морали. Феномен новых религий усугубил духовное смятение в кризисном обществе. Нет сомнений в том, что новые религии окажут заметное влияние на дальнейшее развитие культуры российского общества. В бурном росте новых религий особенно ярко проявляется харизма, своеобразный «харизматический взрыв» [1, с.173]. В данном феномене проступает активная деятельность харизматического лидера реформаторского или пророческого типа в новых конфессиях («Свидетели Иеговы», «Церковь последнего завета», «Белое братство», Церковь-Семья Божия и другие). В религиозной среде осуществление права на власть невозможно без наличия харизматических качеств религиозного лидера. Все известные в истории культуры религиозные лидеры были харизматиками. На нашей памяти в XX столетии необычайной силой харизматического лидера обладали Иоанн Павел II, М. К. Ганди, Р. М. Хомейни и многие известные иерархи православной церкви.

Значимость харизмы, как и значимость религиозной традиции, актуализируется в условиях общественного кризиса и основывается на авторитете тех или иных лидеров социальных групп. Здесь особенно велика роль идеи, воплощением которой является харизматическая личность. Олицетворяя новую идею, харизматическая личность оказывает гипнотическое воздействие на своих последователей, заражая их этой идеей и увлекая за собой [5]. Основные функции, которые реализуются при этом: мировоззренческая, терапевтическая, регулятивная. Нормативные новации теснейшим образом связаны с реформами в сфере вероучения, культа и организации.

Одна из отличительных особенностей становления новых религий в современном российском обществе связана с тем, что, возникая в короткий срок, они буквально «сжимают» начальный этап своего становления, сопрягая его с харизматической фазой появления. Пожалуй, наиболее типичным в этом плане оказывается сосуществование в новых культах феномена харизмы с прекрасно отлаженной административной деятельностью уже на самом раннем этапе существования [6].

Социальные функции харизмы проступают в динамике религиозной традиции и нововведений. Нововведения выступают фактором тех или иных социальных перемен. Очень часто их источник – харизматическая личность реформаторского или пророческого типа. Связанные с деятельностью этих личностей изменения мы подводим под определение «нормативной новации», чья особенность состоит в том, что она может способствовать воз-

никновению новой структуры как внутри религиозной традиции (тип реформатора), так и за ее пределами (тип пророка).

В результате анализа выявлены следующие инвариантные признаки проявления харизмы в обыденном религиозном сознании: харизма обладает парадоксальной природой и проявляется как иррациональный компонент в обыденном религиозном сознании; феномен харизмы является ценностным ориентиром социального бытия, воплощаясь и трансформируясь в различных социокультурных формах: мифе, религии, одной вере, идеологии, он обнаруживает свою аксиологическую амбивалентность; данный феномен связан с коллективным сознанием или бессознательным, с коллективными архетипами, верованиями, чувствами; харизма, с психологической стороны вызывает благоговение, восхищение, священный трепет, и/или ужас, иррациональное поклонение, уважение, мистический страх; особая знаковая реальность священного, сакрального выражена в иконописи, в религиозной архитектуре и религиозных ритуалах – в культе, в богослужении, и особенно – в священных текстах; феномен харизмы реализуется в социуме через различные виды духовной, идейной практики человека и социума. Установлено, что все чувственно-материальные вещи имеют духовный, сверхчувственный, божественный смысл, обладают харизмой; начальный этап возникновения религии связан с харизматической фазой. Изучение особенностей проявления харизмы в религиозном сознании способствует более глубокому изучению особенностей современной культуры.

Библиографический список

1. Писманик, М. Г. Лекции по религиоведению: учеб. пособие / М. Г. Писманик; Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 2006. – 245 с.
2. Волобуева, М. М. Феномен власти харизматического лидера в религиозных орденах Востока / М. М. Волобуева // Религиоведение. – 2004. – № 2. – С. 58 – 68.
3. Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
4. Даурли, Д. П. Юнг и христианство / Д. П. Даурли, К. Г. Эдингер. – СПб.: Гуманитарное агентство, 1999. – 287 с.
5. Московичи, С. Век толп / С. Московичи. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. – 475 с.
6. Афанасенко, Я. А. Социально-философский анализ становления новой религии: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Я. А. Афанасенко; ПГТУ. – Пермь, 2000. – 23 с.

ШВЕЦОВА Наталья Анатольевна, соискатель кафедры философии.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.12.06 г.
© Швецова Н.А.

Книжная полка

- Александров И.О. Формирование структуры индивидуального знания. – М.: Ин-т психологии РАН, 2006. – 560 с.
- Алмаев Н.А. Элементы психологической теории значения. – М.: Ин-т психологии РАН, 2006. – 432 с.
- Болдин С.В. Российская трагедия: Об особенностях русского национального характера и власти в России. – 2-е изд., испр., доп. – М.: Содружество «Посев», 2007. – 718 с.

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ГЕНДЕРА КАК МЕТАФОРЫ И СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

Рассмотрено понятие «гендер» в таких категориях, как стратификационная категория и как культурная метафора. В свете этого определения гендерные исследования можно соотнести не только с философскими концепциями, непосредственно рассматривающими проблему пола, социальное положение женщин и т.п. (например, с работой Симоны де Бовуар), но и со значительно более широким кругом философских концепций, так или иначе обращенных к проблемам мужского и женского начала.

Термин «гендер» впервые был введен в научный оборот на Западе в конце 60-х годов для анализа социальных отношений и преодоления наивных суждений о том, что биологические различия являются определяющими для поведения и социальных ролей мужчин и женщин в обществе. Развитие гендерной теории и результаты исследований, основанных на гендерном подходе, постепенно привели к осознанию того, что рассматривать любую социальную проблему (не важно, чего она касается – истории или культуры, политики или экономики, психологии или социологии) без учета гендерной составляющей неполно и односторонне.

Принято считать, что гендерные исследования начали развиваться в России в конце 80-х – начале 90-х годов, когда стали возникать первые феминистские группы и независимые женские организации, а в журналах появились первые публикации и переводы статей по гендерной проблематике. Развитие «женских» и гендерных исследований может рассматривать как один из важнейших аспектов преобразования, происходящие в отечественном гуманитарном пространстве в постсоветское время. Недаром один из ведущих представителей гендерных исследований на постсоветском пространстве И. Жеребкина называет это время «гендерные 90-е» [11].

Существует несколько направлений разработки гендерного подхода (гендерной теории) [1,102]. Так, к основным теориям гендера, принятым сегодня в социальных и гуманитарных науках, относят:

- теорию социального конструирования гендера;
- понимание гендера как стратификационной категории;
- интерпретацию гендера как культурной метафоры.

В рамках первого подхода гендер понимается как организованная (конструируемая) модель социальных отношений между мужчинами и женщинами, не только характеризующая их межличностное общение и взаимодействие в семье, но и определяющая социальные отношения в основных институтах общества. Этот подход основывается на следующих постулатах: 1) гендер конструируется индивидами на уровне сознания, принятия заданных обществом норм и ролей и подстраивания под них; 2) гендер конструируется посредством социализации и разделения труда, формируется системой гендерных ролей, семьей, средствами массовой информации.

В рамках второго подхода гендер рассматривают как стратификацию. Гендерная стратификация представляет собой процесс, посредством которого гендер

становится основой социальной соподчиненности, а воспринимаемые различия между гендерами становятся систематически оцениваемыми и оцененными. Гендер представляет собой социальное отношение, представление (репрезентацию) каждой индивидуальности в широком спектре социальных отношений. Он вписан и продуцируется иерархичностью социальных диспозиций в обществе. Понятие гендера в этом контексте соотносится с понятиями возраста, класса, расы.

Понимание гендера как культурного символа связано с тем, что пол человека имеет не только социальную, но и культурно-символическую интерпретацию. Иными словами, биологическая половая дифференциация представлена и закреплена в культуре через символику мужского или женского начала. Это выражается в том, что многие не связанные с полом понятия и явления (природа, культура, стихии, цвета, божественный или потусторонний мир, добро, зло и многое другое) ассоциируются с «мужским/маскулинным» или «женским/фемининным» началом. Таким образом, гендер представлен как социокультурный процесс, посредством которого формируется картина мира.

Итак, гендер может быть рассмотрен в трех основных категориях: как *социальный конструкт*, как *стратификационная категория* и как *культурная метафора*. В свете этого определения гендерные исследования можно соотнести не только с философскими концепциями, непосредственно рассматривающими проблему пола, социальное положение женщин и т.п. (например, с работой Симоны де Бовуар), но и со значительно более широким кругом философских концепций, так или иначе обращенных к проблемам мужского и женского начала.

Наиболее традиционным для философии является метафорическое использование данных категорий при построении общей картины мира (т.е. аспект существования гендера как метафоры). В ранней онтологии и метафизике дилемма мужского и женского начал символически выражает универсальную бинарность мироздания. Впервые в развернутом виде это обнаруживается в древнекитайской философии. В натурфилософских комментариях к «Ицзин» в качестве космических сил рассматриваются ян и инь, обозначающие соответственно мужественность, активность, жар, яркость, сухость, твердость – и женственность, пассивность, холод, мрак, влажность, мягкость. Учение об инь и ян дает образ неразрывного единства двух начал, которые лишь совместно образуют

целое, обязательно дополняют друг друга для того, чтобы что-то создать. В то же время при осмыслении сущности инь и ян возникают семантические ряды, в которых мужское и женское начала получают каждое свой ряд ассоциативных соответствий. В результате формируется образ мужского – активного и женского – пассивного начал, который будет, трансформируясь, воспроизводиться на протяжении всей истории классической метафизики.

В античной философии его модификация обнаруживается, в частности, в разграничении материально-вещественной и духовно-организующей субстанциальных основ мироздания. В онтологии Платона материя, рассматриваемая как пассивное начало, одухотворяемое идеями, характеризуется через такие женские категории, как «кормилица», «восприемница», «мать» («Тимей»). В метафизике Аристотеля отождествление рациональной организации с активным мужским началом, а хаотичной материи как низшей субстанции — с пассивным женским усиливается. Даже применительно к человеку разделение полов, по Аристотелю, имеет отнюдь не биологические основания, поскольку оно не необходимо для воспроизводства человеческого рода (при этом он ссылаясь на существование двуполых самооплодотворяющихся животных). Половая дифференциация — это онтологический принцип: «Лучше, когда высший принцип отделен от низшего. Поэтому если это возможно и там, где это возможно, мужское отделено от женского» [2, 398].

Выраженную символику мужского и женского начал можно встретить у Филона Александрийского, который соединяет в своих работах как библейские идеи, так и идеи греческой философии. Мужское, по его мнению, презентует сознательное, рациональное, божественное; женское и сама женщина — это образ телесного мира. Женское у него символизирует мир как таковой и является противоположностью трансцендентной сфере Разума.

Таким образом, в античной и впоследствии — в христианской философии постепенно усиливается идея неравнозначности начал мироздания, вводится аспект их взаимной оценки, предпочтения. С точки зрения гендерной проблематики это может быть оценено двояко. Во-первых, кроме иных социокультурных процессов, в философии нашел свое отражение процесс углубляющегося гендерной дифференциации общества. Во-вторых, в результате культурная метафора гендера оказалась саморазворачивающейся, достраивающейся и оказала влияние на оформление философских концепций метафизического уровня.

Пример такой саморазвертывающейся метафоры и своеобразную вариацию на тему символики мужского и женского начал можно найти у Ф. Бэкона в трактате «О мудрости древних». Ф. Бэкон построил целый ряд философских эссе, посвященных выявлению различных особенностей человеческого бытия, природы, культуры, на своеобразной интерпретации мифологических образов. Отождествляя универсальные сущности с персонажами мифа и раскрывая их сущность, Бэкон находит у них мужские и женские черты и соответствующие взаимоотношения.

Так, Пан символизирует мир природы, и Бэкон выводит из его образа ряд метафизических идей: Пан никого не любит — в этом заключена идея самодостаточности мира (он «довольствуется самим собой и всем, что есть в нем»); а единственной его супругой является Эхо — так «именно та философия является подлинной, которая самым тщательнейшим и верным образом передает его собственные слова и сама как бы написана под диктовку мира» [3, 247]. Мир-Пан — это мужской образ, где проявляются такие качества, как «предводитель», «повелитель», «владыка», «способный внушать страх», — это составляющие гендерного стереотипа связанного с маскулинностью.

Аллегория Купидона как мифологического образа

атома позволяет установить уровни детерминации во взаимодействиях природных начал: Венера определяет само наличие сил соединения и порождения, Купидон — ее сын — индивидуальные связи (т.е. конкретные взаимодействия зависят от свойств атомов), при этом стрелы Купидона означают, что атомы оказывают воздействие на расстоянии (иначе говоря, из мифа вычитывается вполне конкретный физический принцип дальнего действия). Аталанта, изображающая человеческое искусство, культурную деятельность, противопоставляемую природе, наделяется стереотипно-женскими характеристиками (любопытством, жадностью, неспособностью пренебречь видимым ради отдаленных целей). Очень выразительно и описание науки, олицетворяемой Сфинкс (в классической мифологии — существо женского рода): «Женское лицо и голос указывают на изящество и словоохотливость» [3, 291]. Таким образом, метафоры фундаментальных сущностей у Бэкона приобретают развернутый характер: интерпретируются не только ключевые идеи самих образов, но и различные детали их атрибутики. Метафора становится в результате реальным источником метафизических выводов, и «женские» или «мужские» черты аллегорических образов занимают свое место в процессах построения этих выводов.

В философии Нового времени начинает смещаться акцентировка в описании соотношения мужского и женского начал. Мужское начало все более рассматривается в соотношении с рациональным, логическим, женское — иррациональное, стихийное. Уже Декарт развивал идею о необходимости «очищения» Знания и Рассудка от любых ассоциаций с понятиями Матери — Земли, отделения Логоса от Софии, Мужчины и его разума от Природы. В картезианстве конструируется новый мир, в котором все генеративное и креативное относится к Богу, маскулинному рациональному Духу, в не к женственной плоти мира.

В более поздней философии такое соотношение можно увидеть у Ницше, где мужское начало — «апполоническое», т.е. сбалансированное и гармоническое, а женское — «дионисийское» — стихийное, спонтанное. Но философия этого периода уже не является рационалистической, внелогическое приобретает даже определенный приоритет, и в философии Ницше творчество, интуиция, сила жизни связываются именно с внерациональным, следовательно, женским началом.

Для русской философии, которая всегда характеризовалась признанием внелогических форм познания, стремлением к дополнению рационального познания вне- и сверхрациональным, мистическим, эмоциональным, основанным на откровении (Н. А. Бердяев), познанием, которое «делается любовью» (П. А. Флоренский), такая трактовка даже более традиционна. Так, уже у Г. Сковороды говорится о «женственности философии». У В.С. Соловьева Бог — это, безусловно, Отец, Он, мужское начало, но «душа мира», в духе средневековой мистики, ассоциируется у него с образом «Вечной Женственности», с «Премудростью», с Софией. «Вечная женственность», «жена, облаченная в солнце» — не только важнейший, но и светлейший символ философии В. С. Соловьева [10, 15].

Таким образом, использование гендерных категорий в пределах онтологии не только маркирует наиболее существенные изменения состояния общественного сознания (обращение к христианству и связанную с ним переоценку соотношения телесного и духовного начал, переход от рационализма к иррационализму в философии XIX в.), но и порождает ряд самостоятельных концептуальных заключений. С точки зрения общего развития гендерных исследований, эти идеи имеют двоякое значение: с одной стороны, они являются предельным выражением общественного умонастроения в отношении «мужского» и «женского» в культуре, с другой — само формируют и

модифицируют это умонастроение, создавая универсальный его фон.

Если метафорический аспект гендерной системы категорий наиболее полно реализован в онтологии, то концепция гендера как стратифицирующего фактора оказалась неотъемлемым моментом социальной философии, объектом исследования которой является социальные взаимодействия, в том числе — социальное неравенство. Философия как «квинтэссенция духовной культуры эпохи» всегда наиболее отчетливо артикулирует идеологию своего времени. Поэтому в патриархальной культуре возникают философские позиции, основанные на достаточно жестокой иерархизации мужского и женского в социальном плане.

Так, Аристотель в работе «О происхождении животных» утверждает, что истинным родителем всегда является мужчина, задающий в процессе оплодотворения пассивной материи активную форму будущему человеческому существу; именно мужчина дает «жар» и силу жизни, а женщина-мать лишь выполняет роль пассивного сосуда. Женщины, считал Аристотель, — это низшие существа, импотентные мужчины, поскольку в них отсутствует принцип «души», тождественный у Аристотеля рациональности. Мужчина и женщина — не равные существа. Женщина дает ребенку тело, мужчина — душу, душа лучше и божественнее тела. Мужчина — норма, женщина — отклонение от нее. Мужчина выше, женщина ниже по своей природе. Мужчина властвует, женщина подчиняется. Соответственно, один пол (неважно, какой) является высшим, а другой — низшим.

У Жана-Жака Руссо, для которого Природа представляет собой настоящую ценность, женщина, ей тождественная, всё же является низшим моральным существом по сравнению с мужчиной. Ибо только мужчина, не имеющий столь тесной связи с природой, посредством своего Разума совершает некий интеллектуальный путь усиления в себе истинной человеческой природы, что только и делает его по-настоящему моральным существом («Эмил»). При этом Руссо считал, что страсти, ассоциирующиеся с женщинами, — это безусловная угроза гражданскому обществу. Даже добродетели, связанные с женскими материнскими чувствами, могут угрожать должному функционированию государства.

По мнению Руссо, равенство, подобие мужчин и женщин заключается в их сходстве как биологических существ, представителей человеческого рода: схожи многие органы, потребности и способности. Однако как общественные существа они не равны, и это объясняется их врожденными характеристиками. Соответственно, различны и нормы поведения («добродетели»): для мужчины это — откровенность, прямота, добросовестность, самостоятельность суждений, правдивость, а для женщины — стыдливость, хитрость, кокетливость, учет мнений других людей, притворство. При этом Руссо считал, что женщина, обладая изысканным и проницательным умом, способна получить образование, причем не только в области того, как вести домашнее хозяйство и воспитывать детей.

Г. В. Ф. Гегель выводил женщин и связанные с ними формы бытия и сознания за сферы гражданского общества и морали. Рассматривая в «Феноменологии духа» семью, он определил ее как низшую стадию гражданского общества. Женщина может приобщиться к этической жизни, только трансформируя частности семейных отношений в этические, универсальные принципы, то есть трансформируя свои отношения с конкретным мужем и детьми в служение принципу Семьи, Мужьям и Детям как таковым. Феминное как таковое, по Гегелю, является угрозой гражданскому обществу.

Мизогиническую позицию по отношению к женщинам демонстрировал Кант. Он поддерживал идею о более

низких ментальных способностях женщин, при этом он считал такое положение дел необходимым условием существования общества. Недостаток абстрактного мышления, утверждал Кант в своей работе «Эссе о возвышенном и прекрасном», развивает в женщинах вкус, чувство прекрасного, чувствительность, практичность. В семейной жизни, которая играет значительную роль в функционировании общества, мужчина уравнивает женские недостатки, и таким образом создается гармоничная пара, в которой мужское и женское начала играют взаимодополняющую роль.

Можно заметить, что концепции, ориентированные на подчинение мужского начала женскому, — это всегда концепции, вообще поддерживающие в той или иной форме идею социальной иерархии и основанного на этой иерархии стабильного социального порядка. С другой стороны, социально-философские концепции, ориентированные на идеал социальной справедливости как полного социального равенства, нередко относили его и к взаимоотношениям полов.

Именно так настроены, в частности, социалисты-утописты XIX в., особенно **Ш. Фурье**. Он писал в своей работе «Судьбы мира и человечества», что стремление сделать всех женщин домашними хозяйками говорит о порочности социального механизма [4, 174]. Он подвергал критике тех, кто утверждал, что женщина создана только для того, чтобы снимать накипь с горшка и чинить старые штаны.

Ш. Фурье первым сформулировал тезис о том, что в каждом обществе степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации. Уровень цивилизованности общества находится в прямой зависимости от положения в нем женщин.

Сен-Симон придавал большое значение общественной деятельности женщины. В своем учении о «паре» он утверждал, что общественным деятелем является не отдельное лицо, а мужчина и женщина вместе, т. е. «пара». «Пара» имела право принимать высшее решение и вмешиваться отношения мужчин и женщин в обществе.

Значительный вклад в определение роли места женщины в обществе внес А. Бебель. В своей книге «Женщина и социализм» он дал анализ путей социального освобождения женщин, необходимости и права женщин заниматься творческой деятельностью. По Бебелю, женщина должна быть полезным и равноправным членом общества, наравне с мужчиной иметь возможность развиваться физически и умственно, требовать признания своих прав. Вот тогда она достигнет полного совершенства [5, 299].

Для изменения социального статуса женщины в обществе А. Бебель считал необходимым создать для представителей обоего пола равные условия, тогда «женщина поднимется на высоту полного совершенства, о котором у нас нет никакого правильного представления, так как до пор в истории развития человечества не было такого состояния». Он осуждал привычку многих мужчин смотреть на женщину «сверху», «великодушно» уступая ей львиную долю нелегкого труда в домашнем хозяйстве и воспитании детей.

Подобную позицию можно увидеть и у русских революционных демократов. В. Г. Белинский писал, что превосходство мужчин — мнимое. Изучая труды Сен-Симона, он пришел к выводу, что женщина в будущем «не будет рабою общества и мужчины, но, подобно мужчине, будет предаваться своей склонности, не теряя доброго имени, этого чудовища — условного понятия» [6, 71].

Н. Г. Чернышевский был поборником равенства мужчин и женщин. Его возмущало, что женщина занимает недостойное место в семье и обществе. «Женщина должна быть равной мужчине»⁴ [7, 444]. По его мнению, женщина играла до сих такую ничтожную роль в умствен-

ной жизни потому, господство насилия отнимало у нее и средства, и стремление к развитию.

Эти мысли о равенстве полов были далее развиты представителями марксистской теории. К. Маркс в письме к Л. Кугельману писал: «Каждый, кто сколько-нибудь знаком с историей, знает также, что великие общественные перевороты невозможны без женского фермента» [8, 486].

В. И. Ленин много писал о необходимости вовлекать женщин в общественное производство, изменять характер отношений в семье, когда «даже при полном равноправии остается все та же фактическая придавренность женщины, потому что на нее сваливают все домашнее хозяйство» [9, 201]. «Этот труд непроизводителен, тяжел, не заключает ничего, что способствовало бы развитию женщины. Не привлекая женщин к общественной службе, к политической жизни, не вырывая женщин из их отупляющей домашней и кухонной обстановки, нельзя обеспечить настоящей свободы, нельзя строить даже демократии, не говоря уже о социализме» [9, 43].

Таким образом, в контексте революционно и прогрессистски ориентированной социальной философии патриархатная политика была оценена как дискриминационная по отношению к женщинам практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Соответственно, ее изменение рассматривалось как один из существенных моментов достижения социального равенства. Таким образом, «гендерный срез» оказался значимым и в общем развитии социальной философии.

Библиографический список

1. Теория и методология гендерных исследований /под. ред. О.А. Ворониной. –М., 2001. –416с.
2. Философия /под.ред. В.Д. Губина., В.П.Филатова.,Т.Ю. Сидоркина –М., 1998. – 408с.
3. Бэкон Ф. О мудрости древних // Сочинения. Т. 2. С. 253.
4. Фурье Ш. Изб. соч. М., 1951. Т. 1 с 174.
5. Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959. с.299).
6. Белинский В. Пол. соб .соч. Т. 12 с. 71.
7. Чернышевский Н.Г. Пол.соб соч. Т. 1 с 444.
8. К.Маркс, Ф. Энгельс соч. Т. 32 с.486.
9. Ленин В.И. Полное соб соч. Т.39 ,с. 201 – 202, Т.31, с 43.
10. Кравченко В. Вл. Соловьев и СОФИЯ: монография /В. Кравченко. –М., 2006. –384.
11. Жеребкина И. Гендерные 90-е о перформативности гендера в бывшем СССР//www.gender.univer.kharkov.ua

ИВАНОВА Юлия Владимировна, аспирантка.

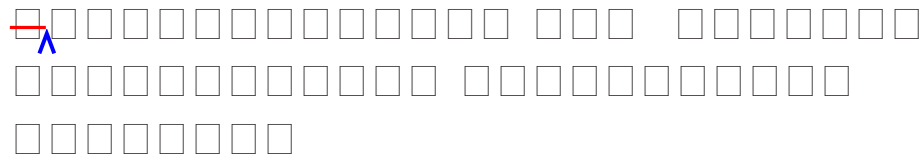
Дата поступления статьи в редакцию: 23.11.06 г.
© Иванова Ю.В.

Книжная полка

Зерзан Д. Первобытный человек будущего / Сост., пер. с англ., примеч. А. Шеховцова. – М.: Гилея, 2007. – 223 с.

Малахов В.П. Философия права: Учеб.пособие для вузов. – 2-е изд., перераб., доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 336 с.

Таубе М.А., проф. Аграфа: О не записанных в Евангелии изречениях Иисуса Христа. – М.: Изд-во Крутицкого Подворья, О-во любителей церков. истории, 2007. – 212 с.

□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□

В данной статье рассматривается актуальное и малоизученное в научной литературе явление «посредничество». Для этого разрабатывается социально-экономическая концепция посредничества, выдвигаются основных концептуальные гипотезы, а именно, исследуется посредничество как общественное и социальное явление, как общественное отношение, процесс, социальный институт, социально-экономическая система и пр.

Общественное понимание проблемы посредничества сводится к тому, что, с одной стороны, приоритетное значение имеет тип предпринимательской деятельности, связанный с созданием общественных благ и услуг, поскольку общественное богатство зависит от состояния дел именно в сфере материального производства, научно-технических и сервисных услуг. С другой стороны, такое общественное отношение к этому типу предпринимательства на практике не носит действительно приоритетного характера — общество способствует развитию и другого типа предпринимательской деятельности — посредничества — осуществления посреднических функций, с оказанием услуг по продвижению товара на рынок и передаче в надлежащем (общественно приемлемом) виде от непосредственного производителя такого товара его потребителю. Почему? Прежде всего потому, что уровень и качество жизни, удобство и комфорт каждого члена общества в немалой степени зависят от уровня развития в обществе посреднической сферы (удобная для покупателя организация торговли, реклама, доставка товаров на дом, заказ товара по почте, телефону и т. .); то же самое относится и к потребителям товаров производственного назначения.

Но такое общественное восприятие посреднической деятельности не является единственной и основной причиной. Главное заключается в другом — посредническая предпринимательская деятельность, ее наличие и усложнение до разумных пределов ведет: к увеличению производительности труда непосредственных производителей товаров на основе углубления специализации; к ускорению темпов оборачиваемости (кругооборота) капитала; к насыщению товарных рынков до объективно требуемых размеров и функционированию непосредственных товаропроизводителей в соответствии с интересами конечных; к значительному удорожанию товаров и услуг на рынке за счёт дополнительных и заметных затрат на обеспечение деятельности промежуточного звена между производителем и потребителями

Рынок, как известно, представляет собой место встречи двух основных субъектов экономических (хозяйственных) отношений. А раз это так, то на рынке должны присутствовать или сами производитель и потребитель, или же их представители. Лица, (юридические или физические), представляющие интересы производителя или потребителя (а часто и действующие от их имени), но сами не являющиеся таковыми, называются посредниками.

Посредничество — один из древнейших способов организации доставки товара от производителя на рынок (как только не называли и не называют этот слой населе-

ния — купцы, поставщики, спекулянты, агенты, дилеры, дистрибьюторы, коммерсанты, потребительские кооператоры и т.д.). Вместе с тем эта древнейшее необходимое звено между макро- и микропроцессами общества, совершенно мало изучено. Требуют осознания многие вопросы, раскрывающие эту реальную актуальную проблему:

- выбор адекватной методологии познания феномена посредничества;
- определение понятия посредничества;
- формирование концепции посредничества;
- определение места и роли посредничества в обществе;
- основные формы проявления посредничества;
- социально - экономические методы познания посредничества.

Проблема изучения феномена посредничества носит комплексный характер, требует объединения экономических, социологических, философских, исторических, социально-психологических знаний при проведении междисциплинарных исследований. Научные исследования должны быть нацелены на все основные направления посредничества: его структуру, социальные функции, этапы развития, предпосылки и условия возникновения, формы хозяйствования, социальную ответственность, социальную справедливость, культуру и их взаимосвязи в обществе.

Предлагается следующий алгоритм изучения стратегии исследования социальных аспектов посредничества:

- онтологический и гносеологический анализ исходных концепций: посредничество как социальное явление, общественное отношение, процесс функционирования субъектов, социальный институт;
- уточнение категориального аппарата исследования;
- определение терминов;
- разработка концептуальной схемы социальных аспектов посредничества;
- разработка структуры предмета исследования;
- системное представление о посредничестве как о сложном и многоплановом социальном явлении;
- разработка интегральных показателей и индикаторов: взаимоотношение рынка и иерархии, культура рынка, социально ориентированный рынок и т.д.;
- разработка логических характеристик для структурирования отдельных компонентов предмета исследования: предпосылки и условия возникновения посредничества, этапы развития, формы хозяйствования, образ жизни;
- формирование частных понятийных индикаторов: социальные функции, структура, субъекты и т.п.;

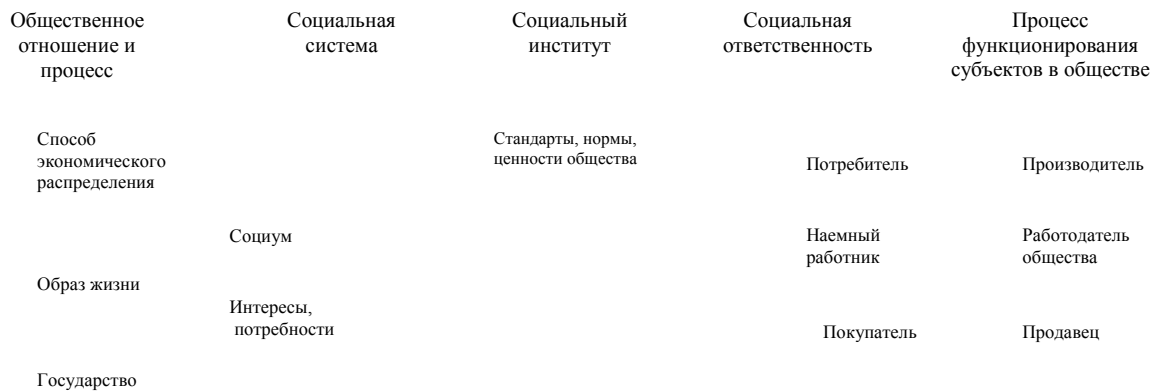

Рис. 1. Концептуальная схема социальных аспектов посредничества

- формирование массива опросных индикаторов;
- аналитическое описание компонентов и социальных факторов предмета исследования;
- установление связей между компонентами и социальными факторами;
- анализ содержания социально-экономических аспектов посредничества;
- выявление характеристик социальных аспектов посредничества;
- разработка социальных показателей посредничества;
- типологические аспекты социально ориентированного посредничества;
- конкретные предложения и рекомендации по реализации выводов исследования;
- уточнение структуры предмета исследования;
- совершенствование эмпирической базы исследования (инструментария, системы индикаторов, уточнение техники и процедур);
- конкретизация концепции социально-экономического феномена «посредничества».

Особенностью посредничества является то, что посредничество - это социальное явление, но не в чистом виде; посредничество - это социально-экономическое явление; это общественное отношение по поводу обмена и торговли; это способ распределения товаров, услуг и доходов и инструмент управления общественными производственно-распределительными процессами.

Посредничество как общественное отношение и общественный процесс можно представить в виде субъектно-субъектных связей между продавцами и покупателями, поставщиками и покупателями работодателями и наемными рабочими, производителями услуг и их клиентами и т.п. Субъектно-субъектные связи могут носить интегрирующий характер (сотрудничество, заключение договоров, купля, продажа, слияние) и противодействующий характер (конкурентная борьба, соревнование, захват, поглощение). Главными элементами структуры посредничества как общественных отношений выступают большие социальные группы и отдельные личности - заводы, магазины, банки, ателье, потребители разного уровня, начиная с организаций, заканчивая обыкновенными людьми, приобретающими товары и услуги для личного пользования и употребления.

Посредничество как своеобразный социальный институт общества предполагает:

- выделение субъектов особого рода со своими социально значимыми признаками и интересами;
- наличие социальных функций посредничества (ак-

сиологическая, управленческая, коммуникативная, аналитическая, прогностическая и другие) и дисфункций посредничества, ведущих к расслоению общества, появлению сверхбогатых и очень бедных и т.п.;

- присутствие социальных норм, кодексов, образцов поведения, символических культурных признаков (заключение договоров, проведение маркетинговых исследований, разработка товарного знака, стандартизация и сертификация, получение лицензий и т.п.).

Посредничество как открытая сложная социальная система может быть изучено только при более детальном рассмотрении его структурных элементов: источников, движущих сил, механизмов запуска и функционирования системы, главного системообразующего звена (деятельности на рынке), дополнительных системообразующих звеньев, цели (потребностей субъектов), результата (степени удовлетворения субъектов).

В предложенной концептуальной схеме изучения социально-экономических аспектов посредничества ядром выступает посредничество как инструмент организации экономического распределения (рис. 1).

Характерными особенностями социально-экономических аспектов посредничества выступают его содержательность и направленность. Содержание посредничества определяют его функции. Направленность развития посредничества зависит от общественных отношений рынка, в которые вступают многочисленные, многообразные субъекты с субъективными взглядами, деятельностью на рынке, а также зависит от сложившегося в обществе уровня производственных отношений. Направленность посредничества является содержательной, точно так же, как и содержание посредничества является направленным. Они находятся в диалектическом единстве и противоречии.

Содержательность и направленность посредничества зависят от формы участия субъектов посредничества: пассивное приобретение товаров и услуг субъектами с целью удовлетворения физиологических потребностей и потребностей безопасности; покупка товаров и услуг с интересом, с предварительным выбором, удовлетворение социальных потребностей (потребностей в общении, уважении, самовыражении); изучение посредничества с профессиональных позиций маркетолога; предоставление на рынок сырьевых и иных ресурсов; производство и продажа всех видов товаров и услуг с целью извлечения прибыли и т.п. Направленность и содержательность посредничества формируются под воздействием культурно-ценностных ориентацией субъектов, их образа жизни, быта, профессии, семьи, работы, государственного ие-

Агенты	Брокеры	Дилеры	Ярмарки
промышленные	товарные	Дистрибьюторы	Аукционы
сбытовые			
торговые			
коммивояжеры			

Рис. 2. Основные группы и виды посредников

пархического влияния и другого.

Посредничество по содержанию - объективная реальность и общественная ценность. Направленность и содержательность посредничества участвуют в организации производственно-распределительных процессов, в определении структуры производства товаров и услуг, которые обладают ценностной значимостью для данного общества, в регулировании общественных отношений продавцов и покупателей, арендодателей и арендаторов, работодателей и наемных рабочих и т.п., в координации рыночных отношений с целью достижения социально ориентированного рынка с присущими ему нормами - социальной ответственностью бизнеса, меценатством и шефской помощью, благотворительностью, развитыми государственными инвестициями в образование и здравоохранение и т.д.

Посредничество и субъекты посредничества развиваются и существуют в диалектическом единстве и противоречии: с одной стороны, оно управляет, организует, стимулирует производство, контролирует деятельность субъектов, заставляя их постоянно совершенствоваться; с другой - субъекты сами при помощи механизма посредничества управляют своими взаимоотношениями и взаимодействуют с природой, средствами производства, другими субъектами с целью удовлетворения своих потребностей.

Интерес к изучению посредничества в нашей стране сегодня действительно вырос значительно. И это отчасти обуславливается развитием рыночных отношений, построением гражданского общества и соответствующими изменениями в системе социальных отношений.

Палитра определений понятия "посредничество" довольно широка, попробуем привести те определения посредника и посредничества, которые имеются в используемой для данного научного исследования литературе; это поможет в дальнейшем выявить сущность данного явления.

В международном праве посредничество - одно из средств мирного разрешения споров между государствами, осуществляется государством, не участвующим в споре, на основе предложенных им условий, а посредник - лицо (а также организация, государство), при участии которого ведутся переговоры между сторонами.

В торговле посредничество - занятие в виде промысла между сторонами, желающими заключить сделку. Посредник - тот, кто сводит продавца и покупателя или совершает торговую сделку

Биржевое посредничество - выполнение специальных функций по совершению сделок на фондовой, товарной и валютной биржах маклерскими конторами, фирмами или отдельными лицами (маклерами, брокерами и т.п.).

Библейская энциклопедия дает следующее определение посреднику (Гал. 3:19) - лицо, посредствующее между двумя враждующими сторонами с целью их примирения. Это название, по преимуществу, принадлежит Божественному Искупителю, примирившему Бога с человеком

Финансовые посредники - фирмы, организации, оказывающие за определенную плату содействие клиентам в установлении деловых контактов и заключении сделок, контрактов между производителями и потребителями, продавцами.

Как экономическое поведение посредник - действия или поступки личности, организации, оказывающие содействие в установлении контактов и заключении сделок, контрактов между производителями и потребителями, продавцами и покупателями товаров и услуг. В роли посредников выступают агенты, брокеры, дилеры, маклеры, комиссионеры, коммивояжеры. Посредничество - один из видов предпринимательства.

В настоящее время понятие посредничество, легализовано и используется законодательных актах, а именно Гражданском кодексе РФ в ст. 971, 990, 1005.

В современной юридической литературе посредники (англ. middleman, mediator) определяются как организации или граждане-предприниматели оказывающие услуги другим организациям или гражданам в совершении сделок. К посредникам относятся брокеры, дилеры, комиссионеры, консигнаторы, маклеры, оптовые покупатели, торговые и промышленные агенты. Но юридические формулировки не раскрывают сущности посредничества, его многосторонней и многообразной связи с социальной жизнью.

Понятие посредничества очень многогранно и охватывает самые разные сферы деятельности людей, предприятий, организаций, государств. Начиная от простого посредника - челночника, работающего на местном рынке, отдельного предприятия - помогающего осуществлять взаимодействие между несколькими субъектами и до государственных посредников - которые осуществляют мир между странами, осуществляя их взаимодействие и развитие.

Многообразие определений посредничества обусловлено особенностями этого феномена, состоящего в высокой динамике изменчивости его содержания и форм. Наше представление о нем изменяется в соответствии с развитием самого этого явления.

Все эти определения, так или иначе демонстрируют отличительные особенности самого явления посредничества, посреднического поведения, являются характеристиками социального портрета посредника и мотиваций его деятельности.

Роль посредника в мире в историческом аспекте несомненно изменяется, равно как меняется и представление о нем, и содержании данного понятия. В том числе в каждой стране оно может иметь свое наполнение, отражающее специфику социокультурных особенностей развития данного общества. Если даже «любая экономическая проблема, являясь в сущности универсальной, может иметь собственный социальный аспект, обусловленный особенностями страны» [3, с. 40], то это в полной мере может быть отнесено и к явлению посредничества, которое носит не только социально-экономический характер, но и психологический, исторический и др.

С точки зрения экономической целесообразности и значимости использования коммерческих услуг, рынок включает в себя различный набор групп и видов посреднических организаций.

Полезность деятельности каждого посредника оценивается, как правило, полученной экономией у заказчиков за счет использования ими посреднических услуг при транспортировке, хранении, сбыте продукции, а также сервисном обслуживании. Эти сэкономленные денежные средства определяют целесообразность использования и привлечения посредника. Таким образом, выгодно наличие на рынке не только посредника как такового, а именно, наличие разных групп посредников специализирующихся на определенных услугах. Основные группы и виды посреднических организаций представлены на рис. 2.

Основные цели использования посредников:

- **повышение экономической целесообразности и эффективности отдельных операций.** Несмотря на расходы по оплате вознаграждения посредникам экономичность операций повышается за счет следующих факторов:

- **привлечение посредников повышает оперативность** сбыта товаров, что способствует увеличению прибыли продавца за счет ускоренного оборота его капитала;

- **посредники, находясь ближе к покупателю, лучше** знают рынок и более оперативно реагируют на изменение его конъюнктуры, что позволяет реализовывать товар на более благоприятных для экспортера условиях, освобождая его от многих забот, связанных с реализацией товара;

- **привлечение посредников создает возможность** повысить конкурентоспособность товаров за счет сокращения сроков поставок и промежуточных складов, лучшего складирования и хранения товаров, предпродажного сервиса и технического обслуживания, специальной маркировки, комплектации изделий в соответствии с местными требованиями;

- **некоторые посредники финансируют сделки** предприятия (на основе как краткосрочного, так и средне-срочного кредитования), авансируют поставщиков, вкладывая собственный капитал в создание и функционирование сбытовой сети, что создает важные экономические преимущества от экономии средств, вкладываемых в обращение;

- **посредники обеспечивают для предприятия** возможность относительно быстрого выхода на новые рынки, более легкого доступа к покупателям, дают возможность экспортеру уменьшить или устранить кредитные риски, экономить на бухгалтерских и канцелярских расходах, оптимизировать затраты на маркетинг, рекламу и т.п.;

- **посредники, всегда находясь в более тесном** контакте с конечными потребителями товаров и услуг, являются важными постоянными источниками ценной первичной информации о рынке - его емкости, тенденциях формирования и изменения спроса, его сегментации, положении конкурентов, перспективах сбыта, ценах и возможностях их изменения, современных требованиях к уровню качества и конкурентоспособности товара.;

- **при работе через посредников, специализирующихся** на массовом сбыте определенной номенклатуры товаров, обычно возникает дополнительная выгода за счет снижения издержек обращения на единицу реализуемого товара.

Таким образом, посредничество – неизменный атрибут рыночных взаимоотношений. У нас в стране определению посредник “повешен ярлык” с негативным, даже презрительным отношением, что не соответствует истинной полезности и целесообразности деятельности посредников. Трансформационные процессы в сфере посредничества протекают весьма неравномерно. Это вызвано проблемами как отраслевого характера, так и общими издержками переходного периода в России.

Актуальность исследования «посредничества» определяется исключительной распространенностью и низкой изученностью социально-экономического явления - посредничества в практике Российского общества, его влиянии на развитие общества. Новизна заключается в рассмотрении посредничества как социально-экономического явления, процесса, общественного отношения, в выявлении эволюционных этапов развития посредничества, исследованию посредничества, как формы кооперации. Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанные методы и модели анализа и оптимизации коммерческих процессов могут быть использованы отдельными оптово-посредническими фирмами, коммерческими предприятиями. Ряд материалов исследования может быть использован в учебном процессе в курсах “Предпринимательство”, “Маркетинг”, “Социология управления”.

Библиографический список

1. Аванесова, Г.А. Роль социокультурного подхода в анализе хозяйствования и предпринимательства / Г.А. Аванесова // Социально-гуманитарные знания. - 1999. - №2. - С. 294-300.
2. Голиков В.Д., Кузнецова Е.В., Черкасова Ю.Ю. Г 604 Социальный феномен рынка / Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т. - Уфа: УГАТУ, 2006. - 296с.
3. Марченко В.В. Социальная психология предпринимательства. – Ярославль: МАПН, 1996. – С.40.
4. Проблемы формирования стратегии развития в сфере коммерческого посредничества/С. В. Серова; Серова С. В – Современные аспекты экономики. 2001 . № 4. - С. 180-183
5. Пузакова Е. П., Бодягина О. В. ”Внеэкономическая деятельность торгово-посреднического предприятия.”- М.: 1997, с. 318
6. Радаев В.В. Экономическая социология: учеб. пособие для вузов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. 603 с.

КУЦЕНКО Светлана Валерьевна, магистр менеджмента, аспирантка.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.12.06 г.
© Куценко С.В.

□□□ 141:658.5

□. □□□□□□□□

□□□□□□□□“□□□□□□-□□□□□□□□□□□□”

□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□

В качестве одной из основных причин формирования имиджа выступает такая потребность человека, как безопасность. Именно она побуждает человека порой неосознанно собирать информацию об объекте, с которым он так или иначе контактирует или с которым связаны его интересы. Так происходит формирование имиджа, которое благодаря особенностям коммуникации в обществе превращается в единый образ, разделяемый большинством его членов.

Слово «имидж» происходит от латинского *imago*, связанного с латинским словом *imitari*, означающего «имитировать», заимствовано в русский язык из английского (*image* – образ, изображение).

Согласно толковому словарю Вебстера, имидж – это искусственная имитация или преподнесение внешней формы какого-либо объекта и, особенно, лица. Он является мысленным представлением о человеке, товаре или институте, целенаправленно формирующимся в массовом сознании с помощью паблисити, рекламы либо пропаганды. Известные специалисты в области PR дают следующие определения:

– И.Л. Викентьев рассматривает имидж как цель, на которую направлены мероприятия в области связей с общественностью. По его словам, «назначение СО-мероприятий – внеценовая конкуренция, имеющая целью формирование управляемого имиджа (образа, репутации, фирменного стиля) товаров и/или услуг, самой фирмы, личности, моды, идеологии и т.п.

– И.В. Алешина дает следующее определение: «Имидж – это образ (организации, товара, персоны) в представлении групп общественности» На мой взгляд, последнее определение ближе к истине, но наиболее полным и исчерпывающим является определение профессора А.Ю. Панасюка, где ключевым понятием является

мнение людей, т.е. субъективное представление оцениваемого предмета:

«Имидж объекта – это мнение об объекте, возникшее в психике определенной или неопределенной группы людей на основе образа, сформированного в их психике в результате либо прямого восприятия ими тех или иных характеристик данного объекта, либо косвенного – на основе восприятия уже оцененным кем-то образа (на основе восприятия мнения), сформированного в психике других людей».

Отсюда имидж коммерческой организации – это мнение о данной организации у группы людей на основе сформированного у них образа этой организации, возникшего вследствие либо прямого контакта с этой организацией, либо в результате информации, полученной об этой организации от других людей; по сути, имидж организации – это то, как она выглядит в глазах людей, или – что одно и то же – каково о ней мнение людей;

Таким образом, очевидно, что имидж – это явление, которое всегда присуще объекту, осуществляющему свою деятельность внутри социума (для формирования имиджа необходимо единое мнение группы людей). Имидж (или мнение об объекте) может быть позитивным, негативным или нейтральным, но его отсутствие невозможно из-за коммуникативных особенностей социума.

Основной причиной формирования имиджа является потребность человека в получении исчерпывающей информации о любом объекте, с которым он находится в том или ином контакте в своей жизни. Также особенностью человеческого мышления является «додумывание» той части информации об объекте, которая ему недоступна. Так, к примеру, в древности такое природное явление, как гром, люди трактовали как «гнев высших существ» и пр. Так, в современности, если коммерческая организация скрывает какую-то сферу своей структуры или деятельности она тут же обрастает домыслами и легендами, которые далеко не всегда несут положительные последствия для организации – люди «доформируют» имидж. Так, к примеру, корпорация *Coca Cola Company* всегда скрывала рецептуру популярного одноименного напитка (коммерческая тайна). Последствием этого стала легенда о том, что в составе напитка в качестве одного из компонентов присутствует наркотическое вещество – кокаин.

Условно потребность в информации можно разделить на три вида:

1. **Потребность в информации** - ответы на базовые вопросы, возникающие при взаимодействии с коммерческой структурой:

- **Откуда?** История происхождения компании (продукта компании). Если коммерческая организация не дает свою версию возникновения – люди придумывают ее.

- **Как устроена?** Внутренний регламент деятельности компании (процесс изготовления продукта).

Человеку важно понимать процесс работы компании.

- **Что делает?** Результаты деятельности компании (популярность продукта). Человек оценивает надежность компании (один из показателей качества продукта).

2. **Потребность в эмоционально окрашенной информации** (субъективная оценка). На основе опыта использования продукта произведенного (проданного) данной организацией или услуги ею предоставленной человек субъективно оценивает полезность (позитивность) компании (продукта) Кроме этого, на оценку позитивности/негативности влияет любая доступная информация о компании или продукте (спонсорские проекты, негативные последствия использования продукта и пр.)

3. **Потребность в единой эмоционально окрашенной информации.** Находясь в социуме, человек непрерывно коммуницирует с его представителями обмениваясь информацией. Получая дополнительную информацию от других представителей социума, человек либо утверждает в своем мнении или меняет его в связи с появившейся новой информацией. Таким образом, человеку необходимо постоянно согласовывать свою точку зрения с другими, находя единомышленников.

Все эти факторы и образуют то, что принято называть мнением группы людей о том или ином объекте (в данном случае о конкретной коммерческой организации). Это мнение и ложится в основу имиджа данной организации.

Если смотреть еще глубже, первопричиной возникновения имиджа является одна из потребностей (более

социальная, чем биологическая) человека (согласно пирамиде Маслоу) – потребность в безопасности. То есть благодаря получению исчерпывающей информации об объекте, с которым приходится взаимодействовать – человек может моделировать и прогнозировать варианты его поведения в той или иной ситуации и оценивать насколько оно опасно для него. Общеизвестно, что, выбирая из двух вариантов испытанного (известного) и неизвестного, человек в 99% «идет по пути наименьшего сопротивления», предпочитая прогнозируемый результат как более безопасный. В настоящее время инстинкт самосохранения в отношении имиджа у современного человека естественно работает на подсознательном уровне. Можно утверждать, что имидж был присущ всегда и всему с чем человек связывал свою жизнь – это базовая информация (естественно субъективная) для прогнозирования поведения того или иного объекта с целью оценки потенциальной опасности.

Тем не менее, имидж в наше время воспринимается как присущее всем структурам (в том числе и коммерческим) явление, которым можно и нужно управлять. Таким образом, коммерческая организация сама создает базовую информацию о себе и предвидит выводы (прогнозы собственного поведения), которое сделает социум. Это и является современным инструментом управления восприятием людей, направленным на благо той или иной коммерческой организации. Те организации, которые не придают значения проблеме управления имиджем, становятся заложниками того образа, который они сформировали о себе с самого начала работы. И далеко не всегда этот образ позитивно работает на организацию.

БИЗЮКОВ Владислав, руководитель отдела трейд-маркетинга компании «Голдер-Электроникс».

Дата поступления статьи в редакцию: 24.11.06 г.
© Бизюков В.

Книжная полка

Русский Север: От Соловков до Валаама / Сост. А. Андреев, С. Шумов. – М.: Агоритм, 2007. – 400 с.

В книге собраны материалы, издававшиеся в конце XIX- начале XX века, с 1880-х годов. В сборник вошла богато иллюстрированная брошюра «Краткая история ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря» (СПб., 1899), статья «Подвиги Соловецкой обители (М., 1881), посвященная военной истории монастыря. Дополняет её заметка «Описание обороны Соловецкого ставропигиального монастыря от нападения англичан» (Архангельск, 1913) – любопытный малоизвестный эпизод Крымской войны и другие исторические публикации.

☐ ☐☐☐☐☐☐☐☐ ☐☐☐☐☐☐☐

☐ ☐☐☐☐☐☐☐☐☐☐☐☐

☐☐☐☐☐☐☐☐☐☐☐☐☐☐☐ ☐☐☐☐☐

На основе анализа специфики организации коммуникативной виртуальной среды предложена альтернативная объяснительная модель феномена «Интернет-аддикции». Вовлечение личности в процесс опосредованной компьютером коммуникации обусловлено предоставляемыми коммуникационными Интернет-сервисами возможностями. Фрагментарность, бытийственность, социальность, карнавалый характер, эмоциональная насыщенность межличностного взаимодействия в среде Интернет позволяют субъекту реализовать потребность в значимых отношениях с другими.

Одной из центральных проблем, активно рассматриваемых сегодня представителями самых различных наук, является проблема взаимодействия человека и техники. В настоящее время широко используются различные технические средства, опосредующие процесс межличностного взаимодействия и существенно расширяющие спектр коммуникативных возможностей личности. При этом все больший процент человеческих контактов осуществляется в искусственных коммуникативных средах сети Интернет, на базе таких ресурсов, как форумы, телеконференции, электронная почта, IRC (**Internet Relay Chat**), ICQ. Вместе с тем встраивание средств коммуникации в процесс общения неизбежно изменяет его структуру, а следовательно, и свойства взаимодействующих субъектов [1]. Общение в условиях виртуальности сопровождается возникновением ряда новых психологических феноменов, на данный момент не получивших общепринятого психологического объяснения, что остро ставит проблему научной оценки пределов и характера влияния на личность опосредованной компьютером коммуникации [2], [3].

К числу наиболее сложных психологических явлений, связанных с использованием коммуникационных ресурсов Internet, исследователи относят прежде всего зависимость от общения в виртуальной среде [4]. Большинство западных психологических исследований, посвященных данной проблеме, выполнено в рамках нормоцентристской (медицинской) парадигмы, квалифицирующей пользователя в качестве пассивного объекта влияния виртуальной среды [5], [6], [7]. Модели Интернет-аддикции, разработанные К. Янг, И. Голдбергом, Дж. Салером и другими исследователями, презентуют межличностные отношения, развертывающиеся в условиях Интернет, как компенсаторные, позволяющие личности уйти от решения своих проблем в вымышленный, искусственный мир, как «суррогатные», редуцированные по сравнению с «непосредственными».

Действительно, рассмотрение коммуникационных ресурсов Интернет как узко инструментальных технических средств, функционирование которых не подразумевает включения в структуру технологии «человеческой» составляющей, позволяет объяснить сопровождающие процесс опосредованной компьютером коммуникации психологические феномены лишь в терминах психической патологии. Решение указанной проблемы в ключе одностороннего влияния техногенной среды на личность отрицает субъектность и творческую активность последней [2], [8].

В виду возможного использования определенными

социальными группами в своих политических и коммерческих целях факта признания способности среды Интернет вызывать психологическую зависимость, особое значение приобретает разработка иных моделей, объясняющих данный феномен без обращения к психопатологической категории «аддикция».

Понимание Интернет как сложной самоорганизующейся системы, необходимо включающей в себя человека как субъекта, преобразующего в процессе использования современных электронных средств коммуникации как технологическую среду, так и собственные психические свойства, предоставляет возможность для конструирования принципиально иных схем, раскрывающих механизмы психологических явлений, сопровождающих деятельность личности в виртуальной среде.

Альтернативный указанному подход к изучению явления психологической зависимости от использования коммуникационных ресурсов Интернет базируется на признании социальности виртуального коммуникативного пространства [9]. В этом случае феномен Интернет-аддикции может быть объяснен через обращение к категории значимого отношения личности.

Очевиден тот факт, что число лиц, оказывающих существенное влияние на личность на протяжении всего её жизненного пути, так или иначе направляющих процесс её становления как индивидуальности, невелико в сравнении с общим количеством людей, с которым ей приходится общаться. Воздействие социального целого на субъекта носит «индивидуализированный», а не тотальный характер, так как осуществляется «через» уникального, обладающего для индивида субъективно определяемой значимостью другого человека. Именно значимое отношение, выступая центральной чертой психического отражения и высшей формой межличностного взаимодействия, является доминирующим фактором личностного развития.

Под значимыми отношениями в соответствии с теорией А.Е. Кроника мы понимаем отношения личности с другими, в процессе реализации (развития) которых у субъекта актуализируются значимые для него личностные качества [10]. В отличие от подходов, в рамках которых значимые отношения определяются через соответствие индивидуальных характеристик значимого другого «дефицитарным» (по определению А. Маслоу) потребностям личности или сложившейся у неё Я – концепции, отмеченная позиция характеризуется указанием на необходимость взаимодействия с другим человеком для актуализации скрытого в личности потенциала; значимый другой здесь участвует в создании и реализации личност-

ти как проекта, а не только поддерживает однажды сложившееся у неё представление о себе. Значимый другой выступает «соучастником» или источником личностных изменений. Для объяснения этого качества значимого лица А. Е. Кроник вводит понятие «характерообразующая связь». Автор квалифицирует данную связь в качестве единицы анализа значимых отношений и определяет её как такую, в которой «проявление (или формирование) определенного свойства характера зависит от проявления какого-либо свойства характера другого человека» [10]. Характерообразующие связи закономерно создают не только единство «мы», но и «я» взаимодействующих субъектов. Чем больше между субъектами характерообразующих связей, тем большую значимость имеют для них эти отношения и тем существеннее вклад данных отношений в их личностные качества, которые, по словам исследователя, являются не «автономными свойствами», а «мостом», перекинутым от одного человека к другому. Именно поэтому значимые отношения характеризуются выраженной эмоциональной окрашенностью.

Значимые отношения личности можно рассматривать как сложную систему, характеризующуюся специфической структурой отношений между элементами как минимум двух уровней – между вступающими во взаимодействие субъектами и их личностными свойствами [11]. Реализация «потребности быть личностью» достигается путем непрерывного изменения структуры, содержания, функций той или иной системы значимых отношений, центральным звеном которой является данный конкретный человек [12]. Личностные изменения, инициируемые общением со значимыми другими, первоначально возникают и актуально существуют лишь в процессе указанного взаимодействия, позднее становясь имманентными личности [13]. Происходит «свертывание пространства социальных отношений в пространстве личности, своеобразная упаковка с изменением размерности большого мира в малом мире» [14]. Психологические характеристики субъекта, возникающие и проявляющиеся лишь в условиях конкретной системы отношений с другими, являются системными новообразованиями (свойствами), на что указывал В.Н. Мясичев [15].

Согласно центральному положению теории систем движущим фактором им развития выступает противоречие, или возникшее несоответствие между структурными компонентами системы, отдельными элементами и системным целым, системой и средой, в которой она существует [11], [16]. Учет этой закономерности при анализе системы значимых отношений личности позволяет заключить, что объективным условием взаимодействия создающих её субъектов также выступает определенное переживаемое ими противоречие, разрешение которого возможно лишь посредством установления взаимоотношений с другим человеком [16]. Инициация новых отношений, формирование круга значимых связей позволяет личности «снять» противоречие, препятствующее её развитию путем приобретения нового системного свойства. Способность личности к самодетерминации необходимым образом проявляется лишь в процессе взаимодействия со значимыми другими, в образованной этими отношениями системе межличностных связей.

Характер противоречия, лежащего в основе стремления личности окружать себя значимыми людьми, определяет и то, какие люди для данного человека могут приобрести свойство значимости. Субъект может создавать и обеспечивать устойчивое функционирование нескольких качественно различных систем значимых отношений.

Специфика состояния современного общества, в котором ярко проявляются тенденции индивидуализации, утраты традиционных социальных связей, увеличения количества формальных контактов между людьми при

сокращении доли «качественного» общения, делает коммуникативные ресурсы Интернета для завязывания значимых, доверительных отношений с другими людьми все более привлекательными по сравнению с ситуацией непосредственного взаимодействия [9], [17]. Не случайно лидирующее место по количеству пользователей занимают **web-чаты, представляющие собой воссозданные техническими средствами интерактивные полилогичные коммуникативные пространства** [9]. По мнению ряда исследователей, чат является «наиболее доступным, демократичным и предлагающим максимальные возможности для самовыражения ресурсом Интернета» [18].

Качественное своеобразие чат-общения обусловлено трансформацией различных составляющих процесса межличностной коммуникации под влиянием структуры данного ресурса, то есть технических особенностей его функционирования.

Базовые параметры коммуникативной реальности чата можно условно подразделить на две группы в зависимости от уровня психологической организации субъекта, на котором реализуются специфические эффекты, сопряженные с взаимодействием в виртуальной среде.

Искажение таких основополагающих координат реального мира, как протяженность и время, исчезновение материального, трансформация функций различных модальностей), фрагментарный характер представленности пользователя в виртуальной среде, интерактивность (способность мгновенно реагировать на события и изменять их), больший контроль над ходом коммуникации по сравнению с ситуацией непосредственного взаимодействия прежде всего детерминируют возникновение измененных состояний сознания, в работах различных исследователей получивших название Потока [19], гратула/ингратуала [20], «черных дыр» [21] и др.

Вторая группа специфических для чат - коммуникации черт определяет собственно способ существования или репрезентации личности в условиях виртуальной реальности и находит свое отражение в различных эффектах опосредованного компьютером межличностного восприятия и взаимодействия. Именно эти особенности являются центральными в плане характеристики сущности общения в виртуальной среде и, по нашему мнению, определяют мотивацию обращения к данному средству Интернет-коммуникации (поскольку апеллируют к более высокому уровню психологической организации субъекта). К числу последних характеристик чат-взаимодействия следует отнести фрагментарность, анонимность, бытийственность, социальность, карнавальность, и эмоциональную насыщенность. Обратимся к анализу указанных черт чат - коммуникации.

Поскольку единственной существующей в мире Интернета модальностью является «зрение, играющее роль слуха» [9], статус существования в нем приобретает не «целостный» человек, но лишь те его «фрагменты», которые доступны для визуальной/вербальной репрезентации [22]. Поэтому в виртуальной коммуникативной среде личность не предстает для других участников взаимодействия как данность, а должна себя выразить, представить, то есть визуально или вербально воссоздать. Вступающая в виртуальное взаимодействие индивидуальность, таким образом, может не иметь стабильного «ядра», постоянно изменяясь в зависимости от актуального состояния субъекта коммуникации («в чатах живут не люди, а созданные ими образы» [23]).

Виртуальная ипостась существования субъекта представлена созданным им персонажем (аватаром), обозначенным ником (от английского «nickname» - «прозвище»). Ник отражает смену «личностного паттерна» при вхождении человека в виртуальную среду чата. Он выполняет две функции: является знаком присутствия

данной личности в коммуникативном пространстве чата и несет в себе определенное смысловое содержание, информирующее собеседника о ряде существенных черт виртуальной личности, её коммуникативной стратегии или разыгрываемой роли.

Феномен ников иллюстрирует одну из самых специфических «функциональных» черт взаимодействия в условиях чата, оказывающую наиболее существенное влияние на процесс межличностного восприятия, - анонимность участников. О.Н. Арестова, Л.Н. Бабанин и А.Е. Войскунский полагают, что в условиях психологической анонимности «человек получает возможность раскрыться, актуализировать индивидуально присущие ему мотивы и установки, проявить наиболее глубокие и индивидуальные детерминанты своего поведения» [24].

Закономерным следствием анонимности, полной подконтрольности процесса общения и исключительно знакового характера представленности коммуникантов в виртуальном пространстве является «карнавальный» характер чат-взаимодействия [23]. Неопределенность Интернет-среды выступает «катализатором» стремления личности преодолеть жестко закрепленные в обычной жизни стандарты поведения и способы самопрезентации. Освобождение от телесности и заданных ею не поддающихся изменению характеристик в сумме с ограничением спектра средств самопрезентации инициирует творческую активность субъекта, направленную на достижение цели адекватного замыслу самораскрытия, создание образа, аутентичного реальному, идеальному или же иному Я [2], [18], [21]. Характерными чертами карнавальности составляющей чат – общения выступают «отрицание реальной жизни, реальных статусов, общепринятых норм общения...разнообразнейшие мистификации, театральность, инсценирование реальных и нереальных ситуаций, ироничность и юмор [23]. Искажение привычной картины мира, легко иницируемое в виртуальной среде, согласно мнению ряда исследователей обогащает субъективный опыт, позволяет человеку стать более открытым и толерантным в отношении взглядов и мнений, отличных от его собственных, и апробировать новые для него модели поведения, что не всегда возможно и оправданно в реальном мире [6], [18], [21], [23], [24].

Свойство «бытийственности» чат-коммуникации выражается в том, что «чат – это не клуб знакомств и не представление, это реальная жизнь, проживаемая в иначе организованном мире...посетители чата не общаются в нем, они в нем живут» [9]. Последнее утверждение означает, что события, происходящие в коммуникативном пространстве чата, реальны для общающихся субъектов, реальны и переживаемые ими чувства; виртуальная среда при всей своей очевидной условности так же ощутимо воздействует на человека, как и реальный мир [21]. В силу данного факта виртуальная коммуникативная среда может быть квалифицирована как «иначе организованная реальность» [9], [23].

Сущностной чертой чат-ресурсов по определению является социальность [25]. «Виртуальный мир создан человеком и для человека, и если в реальном мире человек только часть мира, то в виртуальности нет ничего кроме людей» [9]. Отмечается рядом исследователей «выпадение из социальных связей», «вызванное» общением в чате, в действительности объясняется не «десоциализацией» личности в виртуальном пространстве, а её включением в безгранично широкую социальную общность посетителей ресурса [9], [26]. Социальность виртуальной коммуникативной среды, по К. Суррат, проявляется в том, что в её условиях «образуются сообщества со специфическими социальными структурами, правилами и нормами взаимодействия (вместе с системой наказаний за их нарушение), стабильными отношениями между членами

сообществ, оригинальными процедурами инициации новичков, способами формирования идентичности и работы групповых ценностей» [6]. Сетевые сообщества, формирующиеся на базе чатов, характеризуются переживанием чувства сопричастности, общими традициями, единством языковых норм, установками на взаимопонимание и согласие [27].

Вследствие большей коммуникативной доступности партнеров, а также потому, что полилог – доминирующая форма чат-взаимодействия, плотность коммуникативных событий в чате предельно велика [9]. По замечанию В. Нестерова, в чате количество неформализованных межличностных контактов «возрастает на порядок» по сравнению с непосредственным взаимодействием. При этом благодаря анонимности, невидимости и опосредованному характеру коммуникации такие стандартные критерии выбора партнера, как возраст, внешняя привлекательность, социальный статус, национальная принадлежность теряют свое значение, а на первый план выходит сходство интересов, целей, ценностей, установок, играющих большую роль в формировании чувства симпатии и любви. Таким образом, «возможность знакомства с потенциально близким нам человеком в чате многократно возрастает» [9].

Существующие в чате временные ограничения на создание и отправление сообщения (возрастающие пропорционально количеству посетителей), являющиеся следствием интерактивности, делают этот ресурс непригодным для содержательно развернутой коммуникации. Несмотря на исключительно знаковую представленность другому в чате, целью данного взаимодействия выступает не передача информации как таковая, но преимущественно репрезентация и реализация субъектами коммуникации некоторого актуального для них эмоционального содержания. Объективная ограниченность доступного сенсорного опыта и практически полное «выпадение» невербального компонента общения при этом компенсируется наличием широкого спектра специальных вспомогательных прагматических средств, таких как ник, вид и цвет шрифта, величина букв, смайлы, ремарки (комментарии производимых «действий»). Обусловленная анонимностью атмосфера доброжелательности и доверительности способствует эмоциональному вовлечению личности в чат-коммуникацию.

Сочетание описанных выше особенностей организации указанного коммуникационного ресурса позволяет рассматривать его в качестве своеобразной альтернативной жизненной среды. В силу указанных особенностей виртуальная среда предоставляет больше возможностей для завязывания значимых отношений с другими, поскольку в условиях увеличения количества утилитарных, функциональных, лишенных эмоциональной глубины контактов в повседневной жизни личности возможность эмоционального взаимодействия и самораскрытия приобретает особое значение. Это обусловлено тем, что значимое отношение реализуется только при условии субъект-субъектного взаимодействия, в процессе которого «межсубъектная связь становится свободным взаимодействием уникальных партнеров, каждый из которых самостоятельно выбирает другого и соотносит себя с другим именно в своей и в его особенностях, единственности, неповторимости» [28]. При этом происходит «не обмен идеями или вещами, а превращение состояния каждого партнера в их общее достояние» [28]. Только в этом случае содержание межличностных отношений будет создаваться не восполнением некоего дефицита в системе витальных потребностей данного неизменного индивида – организма, а формированием новой целостности, превосходящей прежнюю по качеству, на уровне личности, ведь значимость – это влияние другого на субъекта, открытое в пространство его личностной реализации, его

некоторого будущего состояния [29].

Таким образом, привлекательность для личности таких специфических коммуникационных ресурсов Интернет, как **web-чаты, обусловлена не исходной «патогенностью»** техногенной виртуальной среды, а тем, что она предоставляет пользователю новые коммуникативные возможности. В силу опосредованного характера общения в среде Интернет и его очевидной технической «ущербности» в нем на первый план выходят отдельные аспекты, всегда присущие человеческому общению, но с особой легкостью реализуемые именно в условиях виртуальности [22]. Данное утверждение создает основу для рассмотрения коммуникационных сервисов Интернет в качестве особых «инструментов» развития, самосоздания личности, оптимизации её жизненного мира. Учет данного обстоятельства позволяет целенаправленно использовать отмеченные особенности «он - лайн» общения в психологической практике, в процессе консультативной и коррекционной деятельности, направленной на решение проблем в области межличностных отношений.

Библиографический список

1. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2005. – 713с.
2. Белинская Е.П. Социальная психология личности/ Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 301с.
3. Тихомиров О.К. Общение, опосредованное компьютером / О.К. Тихомиров, Ю.Д. Бабаева, А.Е. Войскунский // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. -1986.- №3. – С. 31- 42.
4. Войскунский А.Е. Феномен зависимости от Интернета /А.Е. Войскунский // Гуманитарные исследования в Интернете/ Под ред. А.Е. Войсунского. – М., «Можайск - Терра», 2000. - 433с. – С. 11 – 40.
5. Асмолов А. Г. Психологическая модель Интернет-зависимости личности / А.Г. Асмолов, Н.А. Цветкова, А.В. Цветков // Мир психологии. - 2004. - №1. - С. 179-192.
6. Войскунский А.Е. Зависимость от Интернета: актуальная проблема/ А.Е. Войскунский // Социальные и психологические последствия применения информационных технологий (Материалы международной Интернет-конференции, проходившей 20.03 – 14.05 2001г. на информационно - образовательном портале www.auditorium.ru/) Под общей редакцией А.Е. Войсунского. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 284с. - С. 58-68.
7. Янг К. Диагноз – Интернет-зависимость/ К. Янг // Мир Inernet. - 2000. - №2. – С. 24 – 29.
8. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета/ А.Е. Войскунский // Психологический журнал. – Т.25. – 2004. - №1. – С.90 – 100.
9. Нестеров В. К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернете / В. Нестеров // <http://flogiston.ru/articles/netpsy/netemotions>
10. Кроник А.А.В главных ролях: вы, мы, он, ты, я: Психология значимых отношений / А.А. Кроник, А.Е. Кроник. – М., Мысль, 1989. – 204с.
11. Ганзен В.А. Системные описания в психологии / В.А. Ганзен. – Л., Издательство ЛГУ, 1984. – 176с.
12. Петровский В.А. Личность в психологии / В.А. Петровский. – Р. -н/Д, Издательство «Феникс», 1996. – 512с.
13. Ломов Б.Ф. О системном подходе в психологии/ Б.Ф. Ломов //Вопросы психологии. – 1975. - №3. -С. 31-45.
14. Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа: Учеб. для вузов. 2-е изд., перераб./ А.Г. Асмолов. – М.: Смысл; ИЦ Академия, 2002. – 416с.
15. Мяснишев В.Н. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека / В.Н. Мяснишев //Психология отношений; Под ред. А.А. Бодалева. – М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1998. – 368с.
16. Ключко В.Е. Самореализация личности: системный взгляд/ В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский / Под ред. Г.В. Залевского. – Томск: Издательство Томского университета, 1999. – 154 с.
17. Бауман З. Индивидуализированное общество/ З. Бауман/ Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. –325с.
18. Жичкина А.Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете/ А.Е. Жичкина // <http://flogiston.ru/articles/netpsy/refinf>
19. Дормашев Ю.Б. Психология внимания/ Ю.Б. Дормашев, В.Я. Романов. – М.: Тривола, 1995. - 352с.
20. Носов Н.А. Виртуальная психология /А.Н. Носов. – М.: Аграф, 2000.- 432с.
21. Suler J. Cyberspace as Psychological Space // J. Suler / <http://www.rider.edu/~suler/psyber/psychspace.html>
22. Шевченко В.В. Человек Тьюринга/ В.В. Шевченко // Человек. – 2002. - №5. – С. 88 – 98.
23. Нестеров В. Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов/ В. Нестеров, Е. Нестерова // <http://flogiston.ru/articles/netpsy/nesterov>
24. Арестова О.Н. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия / О.Н. Арестова, Л.Н. Бабанин, А.Е. Войскунский // Вестник МГУ. Серия14. Психология. -1996. - №4. - С.14 – 21.
25. Зубрилин А.А. Эмигрировавшие в Интернет/ А.А. Зубрилин, Р.И. Александрова Р.И. // Человек. – 2002. - №4. - С.131-137.
26. Войскунский А.Е. Психологические аспекты деятельности человека в Интернет-среде/ А.Е. Войскунский / <http://www.psychology.ru/internet/acology/01.stm>
27. Нестеров В. К вопросу о динамике сетевых сообществ// В. Нестеров <http://flogiston.ru/articles/netpsy/groupdyn>
28. Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений/ М.С. Каган. – М.: Политиздат, 1988. – 319с.
29. Брушлинский А.В. Психология субъекта/ А.В. Брушлинский. – СПб., «Алетейя», 2003. – 272 с.

ЧУЧКОВА Галина Сергеевна, преподаватель кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий факультета социологии АлтГУ, аспирант 3-го года обучения факультета психологии и философии АлтГУ.

Дата поступления статьи в редакцию: 25.10.06 г.
© Чучкова Г.С.

Календарь научных мероприятий

Министерство культуры Омской области
ГУК «Омский музей просвещения»
VII региональная научно-практическая конференция
«История образования и просвещения в Западной Сибири»,
посвященная 110-летию первого Педагогического музея в г. Омске
26-27 октября 2007 г., Омск

Направления:

- История общего образования в Западной Сибири;
- История профессионального образования в Западной Сибири;
- История духовного воспитания и религиозного образования в Западной Сибири;
- Музеи учебных заведений: история и проблемы развития;
- Воспитание учащихся: традиции и новации;
- Просветительство в Западной Сибири.

Заявки на участие и материалы высылать по адресу: 644099, г. Омск, а/я 505.

E-mail: M2440@mail.ru. Телефон для справок (3812) 451-461.